

1 (37) 2023

ВЕСТНИК

Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (37)
2023**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2023

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Ш. Ш. Амирсейидов

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

*Владимирский государственный
университет имени Александра*

*Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых*

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 26.10.23

Заказ №

Выход в свет

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 12,09

Тираж 500 экз.

Издательство

*Владимирского государственного
университета имени Александра*

*Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых*

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе

*оперативной полиграфии Владимирского
государственного университета*

имени Александра Григорьевича

*и Николая Григорьевича Столетовых
600014, г. Владимир,*

ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института ВлГУ
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
ВлГУ (зам. главного редактора серии)
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведе-
ния исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
ректор МПГУ
- А. В. Марков* доктор филол. наук, профессор
профессор кафедры кино и современного
искусства РГГУ
- Н. М. Маркова* кандидат филос. наук, доцент
зам. директора Гуманитарного института
ВлГУ
- С. А. Мартянова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии ВлГУ
- Ю. Г. Матушанская* доктор филос. наук, профессор
профессор кафедры религиоведения
Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций КФУ
- А. С. Минаков* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России МПГУ
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка ВлГУ
- Л. В. Рацибурская* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского
языка и общего языкознания ННГУ
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России
средних веков и нового времени ГУП
- А. С. Тимоцук* доктор филос. наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук, доцент
зав. кафедрой частноправовых
дисциплин ВЮИ ФСИН России
(отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

В. В. Митрофанов

Научные связи Г. Йонаса с С. Ф. Платоновым..... 7

И. Ю. Смирнова

Миссия архиепископа Кентерберийского в Западной Персии (1886):
к предыстории учреждения..... 24

В. О. Терентьев

Британская операция Newcombe в Мали (2013 – 2022)..... 32

ФИЛОЛОГИЯ

С. Ф. Бут-Гусаим

Культурно-историческое своеобразие ономастического пространства
исторической прозы Юзефа Крашевского и Анатолия Бутевича..... 43

А. В. Марков

Наследие Кирилла и Мефодия в развитии методов
структурализма и постструктурализма..... 51

М. В. Пименова, В. А. Полякова

К истории возникновения и кодификации внеалфавитных средств
членения письменного текста..... 61

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, М. С. Павлов, Кунь Лю

Представления о Боге в контексте китайской и российской культур:
сравнительный религиоведческий анализ (часть 2)..... 71

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Ю. Г. Матушанская, Э. Л. Гатина

Философский и социальный аспекты религиозно-этического компонента
в образовательном процессе 79

М. А. Суботялов

Диалог науки и религии: исторический анализ и современное состояние 87

А. С. Тимощук

Идеационные конструкты правогенеза индуизма 94

Сведения об авторах 103

CONTENTS

HISTORY

V. V. Mitrofanov

Scientific Relations of G. Jonas with S. F. Platonov 7

I. Yu. Smirnova

Mission of the Archbishop of Canterbury to Western Persia (1886):

Towards the Background of the Foundation..... 24

V. O. Terentyev

British Operation Newcombe in Mali (2013 – 2022)..... 32

PHILOLOGY

S. F. But-Gusaim

Cultural and Historical Peculiarities of the Onomastic Space in the Historical Prose
by Yuzeph Krashevsky and Anatoly Butevich 43

A. V. Markov

The Legacy of Cyril and Methodius in the Development
of Structuralism and Poststructuralism Methods 51

M. V. Pimenova, V. A. Polyakova

On the History of the Origin and Codification of Non-alphabetic Means
of Dividing a Written Text..... 61

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, M. S. Pavlov, Kun Liu

Concepts of God in the Context of Chinese and Russian Cultures: a Comparative
Religious Analysis (part 2) 71

Yu. G. Matushanskaya, E. L. Gatina

The Philosophical and Social Aspects of the Religious and Ethical Component
in the Educational Process 79

M. A. Subotyalov

Dialogue of Science and Religion: Historical Analysis and the Present State 87

A. S. Timoshchuk

Ideal Constructions of the Hindu Law Genesis 94

Contributors 103

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ Г. ЙОНАСА С С. Ф. ПЛАТОНОВЫМ

1920-е гг. ознаменовались рядом многообещающих мероприятий и возникновением новых научных связей между советскими и германскими учеными. Опубликованные исследования на многое пролили свет, но постоянно выявляются архивные документы, которые позволяют не только конкретизировать уже известные факты, но и обнаружить доселе неизвестные и наполнить их новым содержанием. Академик С. Ф. Платонов поддерживал личные связи со многими германскими учеными и общественными деятелями. Неисследованное ранее небольшое эпистолярное наследие Г. Йонаса позволяет назвать основные вопросы, по которым шло взаимодействие двух ученых. Это, прежде всего, издание журнала «Восточная Европа» и археологические раскопки на Эски-Кермене.

Не менее важна информация о личных встречах Г. Йонаса и С. Ф. Платонова в Москве и Германии. Приведены интересные детали о согласительных процедурах ряда планировавшихся мероприятий, представлявших взаимный интерес.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, Г. Йонас, Немецкое общество по изучению Восточной Европы, международные связи, издание журнала, Эски-Кермен, заграничные командировки.

После заключения в 1922 г. Рапалльского мирного договора между Советской Россией и Германской республикой о восстановлении между странами дипломатических отношений и урегулировании всех спорных вопросов налаживаются связи и между научными сообществами.

Среди многочисленных научных обществ, созданных в Германии, которые активно пытались сотрудничать с советскими учёными, следует назвать Немецкое общество по изучению Восточной Европы (Deutschen

Gesellschaft zum Studium Osteuropas с 1918 г.), предшественником которого было – Немецкое общество изучения России, созданное в 1913 г. [19]. Оно объединило известных деятелей [4, с. 90 – 94], среди них был Отто Гётч (Хётч) (1876 – 1946) – ученик Т. Шиманна, занимался восточноевропейской историей, славист; Фридрих Шмидт-Отт (1860 – 1956) – в 1910 – 1918 гг. занимал министерские посты, был председателем Немецкого общества по изучению Восточной Европы, в 1920 – 1934 гг. – президент Общества содей-

ствия немецкой науке (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft) [12]. Последнее было создано в 1920 г. по инициативе Берлинской академии наук и ставило своей основной целью предотвращение упадка немецкой науки.

Аналогичные процессы происходили и в СССР. Например, в 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) – общественная организация, объединявшая в своих секциях деятелей советской науки, литературы, искусства, народного образования и спорта [7; 9].

Об основных направлениях сотрудничества Немецкого общества по изучению Восточной Европы с советскими научными организациями можно судить в том числе и по нескольким письмам, которые хранятся в личном фонде академика С. Ф. Платонова. Дело имеет название «Deutsche Gesellschaft zum studium Osteuropas (Письма (7) и телеграммы (2) Сергею Фёдоровичу Платонову. На рус[ском] и нем[ецком] яз[ыке] машиноп[ись], рукоп[ись]. 1924 – 1929. Берлин. Москва)» [14]. Все письма – на фирменных бланках Общества, напечатаны на немецком (л. 4-4 об., 6-6 об.) и русском языках (л. 7, 9 – 10, 12 – 13), подписаны Г. Йонасом, одно написано им (л. 3). На первом архивном листе приклеена вырезка из газеты «Руль» с заметкой о пребывании С. Ф. Платонова в Берлине (текст публикуется без номера). В деле имеется перевод письма, сделанный, вероятно, сотрудником С. Ф. Платонова (л. 5-5 об.) (публикуется по рукописи, без сверки, без номера).

Обе телеграммы – на почтовых бланках, на первой текст и имя отправителя напечатаны на немецком языке (л. 8), вторая рукописная, написана простым карандашом, на русском языке (л. 13). В деле имеется конверт, фото которого помещено в приложении к статье как образец почтового отправления.

Автор писем – Ганс Йонас (1883 – после 1931), известный историк национальной экономики Германии. Во время Первой мировой войны в 1915 г. он попал в плен и оказался в России. Вернулся на родину уже в конце Гражданской войны. И сразу окупился в общественную работу: с 1922 по 1930 г. являлся генеральным секретарем Немецкого общества по изучению Восточной Европы; с 1925 г. принимал участие в руководстве Кенигсбергского института экономики; был среди создателей журнала «Восточная Европа», первый номер которого вышел в 1925 г.

Г. Йонас вступает в переписку с академиком С. Ф. Платоновым, который летом 1924 г. находился с научными целями в Германии [5], и приглашает его на дружеский ужин. Примечательно, что в одной из газет для русских эмигрантов упомянут факт пребывания известного учёного из России. В заметке С. Ф. Платонов именуется «действительным членом Петербургской Академии наук».

Накануне заграничной командировки в письме от 1 июля 1924 г. С. Ф. Платонов иносказательно писал А. Ф. Кони: «Отправляясь ”dahin, dahin“¹,

¹Туда, туда (нем.).

шлю Вам свой низкий поклон и пожелание "счастливо оставаться". Назад буду только в августе» [1, с. 249].

В рамках научных обменов, например, известный германский историк О. Гётч, плодотворно занимавшийся изучением истории России, бывал в СССР с 1923 по 1934 г. восемь раз [20].

Как свидетельствуют письма от 22 и 24 сентября 1925 г., Г. Йонас также неоднократно приезжал в СССР. Во время одного посещения он хотел встретиться с С. Ф. Платоновым – лидером отечественной историографии – по вопросу издания упомянутого журнала.

Г. Йонасу необходимо было найти также возможность переговорить и с В. И. Яковлевым [17] – известным искусствоведом, вошедшим в историю музейного дела в том числе и благодаря нововведению, известному сейчас под названием «тапочки профессора Яковлева».

Однако личной встречи с С. Ф. Платоновым не произошло, о чём свидетельствует письмо Г. Йонаса, срочно уехавшего в советскую немецкую автономию на Волге (Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья существовала с 19 декабря 1923 по 28 августа 1941 г.). Для историографии важно, что в этом письме сообщаются ценные детали содержания готовившегося первого номера журнала «Восточная Европа»: основные рубрики, тематика материалов, их объем. Кроме того, выразилось желание получить от совет-

ских историков исследования по предпочтительным вопросам.

Следующие письма датируются уже августом 1928 г., в это время С. Ф. Платонов находился в Германии и планировал поездку во Францию, где проживала семья его дочери – Кравичи.

Очередная встреча Г. Йонаса с С. Ф. Платоновым произошла на научной конференции. Русский академик был приглашен в составе советской делегации на Неделю советской исторической науки. Конференция проходила в Берлине с 7 по 14 июля 1928 г. Организатором этого научно-культурного форума было Общество по изучению Восточной Европы. Во время пребывания в СССР германские ученые согласовали с Наркомпросом серию докладов. Список советских участников был значительным (позже в него внесли изменения, была изменена и дата: первоначально «неделя» планировалась на июнь): М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, В. И. Невский, В. М. Фриче, Д. Б. Рязанов, С. М. Дубровский, Н. М. Лукин, Е. Б. Пашуканис, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков – из Ленинграда, М. М. Богословский, М. К. Любавский и Д. Н. Егоров – из Москвы.

Следует заметить, что в жизни С. Ф. Платонова в 1928 г. произошли серьезные изменения: 11 июня ушла из жизни Надежда Николаевна – жена, соратник и помощник, создававшая уют в доме, условия для административной деятельности и творчества. Поэтому подготовка к поездке в Бер-

лин в какой-то степени отвлекла его от тяжелой утраты. Однако включению в список делегации С. Ф. Платонова воспротивился М. Н. Покровский, что поставило под вопрос его командировку. Только настойчивые требования профессора Йонаса заставили М. Н. Покровского уступить [2, с. 53, 54].

В статье И. И. Минца (академика с 1946 г.), личного секретаря М. Н. Покровского, нарисована неправдоподобная картина формирования делегации русских историков [13]. В. С. Брачев же, привлекая редкие архивные документы, в полной мере сумел показать напряженную закулисную борьбу и поражение главы делегации в вопросе включения С. Ф. Платонова в число участников поездки в Берлин [6, с. 320 – 323].

В Германии, в свою очередь, был создан специальный оргкомитет по устройству форума, председателем которого и был Ф. Шмидт-Отт, с которым у русского академика были интересные творческие контакты [12].

В Берлине С. Ф. Платонов выступил с известным докладом «Проблема Русского Севера в новейшей историографии» [16]. Эта замечательная работа заняла достойное место в аргументации нового направления творчества С. Ф. Платонова, которое связано с изучением истории Новгорода, Поморья и Сибири [10].

Завершается переписка в 1929 г., в период активной подготовки советско-германской научной экспедиции в Крым с целью раскопок на Эски-Кермене для изучения готского посе-

ления. Неслучайно в этой связи упомянут Ф. А. Браун, признанный специалист по названной проблеме. В 1920 г. он был командирован в Германию, где и остался. Ученого пригласили на должность профессора на кафедру Лейпцигского университета, где он и служил в 1923 – 1925 гг. При участии С. Ф. Платонова в 1927 г. Ф. А. Браун избран иностранным членом-корреспондентом АН СССР [15].

В 1929 г. оживлённо обсуждалась готская проблема, активизировалась археологическая деятельность в Крыму, в частности в Эски-Кермене. Принципиально важно, что немецкое научное сообщество было крайне заинтересовано в организации экспедиции своих представителей на раскопки в этот пещерный город, уже давно привлекавший археологов. Эту работу на этот раз от Академии наук координировал С. Ф. Платонов [11]. Как видно из письма от 13 июля 1929 г., планировалось командировать профессора Маргбургского университета Геро фон Мерх(г)арта (1886 – 1959) – австрийского и немецкого археолога. В годы Первой мировой войны он находился в плену в лагере для военнопленных офицеров в поселке Антипиша (близ Читы), затем перемещен в Канск, где проводил археологические раскопки. В ноябре 1919 г. поступил в музей Приенисейского края реставратором, позже возглавил отдел древней истории. Вернулся в Мюнхен в 1921 г. С 1 мая 1928 г. – заведующий впервые учреждённой кафедрой доисторической археологии в университете г. Марбурга-

на-Ланне, где стал основателем «марбургской» научной школы [8]. Заметим, что его имя как предполагаемого наблюдателя за раскопками современные исследователи не упоминают [18].

Небольшой объем выявленных писем ценен для конкретизации контактов С. Ф. Платонова с иностранными учеными, прежде всего германскими. Кстати, Германия была страной, куда еще в 1895 г. он совершил вместе с женой свою первую зарубежную поездку.

Заграничные поездки С. Ф. Платонова, его переписка и контакты с европейскими коллегами будут использованы против него во время следствия по так называемому Академическому делу. Так, «во время допроса 25 февраля (док. 14) следователь продолжал выяснять детали заграничных поездок С. Ф. Платонова и его встреч с русскими эмигрантами и зарубежными политическими деятелями, а также учеными» [3, с. 97].

В. Кригер и А. Шпак опубликовали редкие материалы – обвинительное заключение по делу Г. Г. Дингеса (1891 – 1932), профессора Саратовского университета, П. И. Зиннера и А. К. Сынопалова от 10 октября 1931 г. [22], где упоминается Г. Йонас. Г. Г. Дингес родился в семье немцев Поволжья, в 1917 г. окончил историко-филологический факультет МГУ (выпускник В. К. Пордизинского) по кафедре сравнительного языкознания и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1917 – 1918 гг. принял активное участие в работе

по образованию Республики немцев Поволжья, входил в правительство Немкоммуны.

В сфабрикованном деле отмечалось, что «начиная с 1921 г. немецкое население Поволжья становится объектом особого внимания германской государственности и правой национал-фашистской общественности. Вплоть до последних лет АССР Н[емцев] П[оволжья] и Саратов наводняются представителями германских правительственных учреждений ..., германской буржуазной общественности» и др.

В обвинительном заключении выдвинуты обвинения профессору Дингесу и преподавателю Зиннеру в «пангерманской ориентации» и «непримиримом настроении к пролетарской диктатуре в СССР» и связи непосредственно с «националистическими разведывательными («Остойропа») ... и белоэмигрантскими организациями» В документе говорится об упомянутом журнале «Osteuropa», в котором публиковались статьи, раскрывающие процессы, происходившие в автономии немцев Поволжья.

Таким образом, сведений о личных контактах С. Ф. Платонова с германскими учёными становится всё больше, они конкретизируются, наполняются интересным содержанием. Он находился не только в переписке с Г. Йонасом, они несколько раз встречались как в Ленинграде, на квартире академика, так и в Берлине. Публикуемая переписка, как и другие выявленные и опубликованные архивные ма-

териалы, являются ценным приобрете- 1929 г. в Крым. Стоит отметить, что
нием историографии по организации жившие в СССР ученые, упомянутые в
советско-германской экспедиции в письмах, были репрессированы.

Приложение

Письма Ганса Йонаса к С. Ф. Платонову

№ 1

Der Generalsekretär H. Jonas
Berlin – Friedenau Bornstr. 21
Fernsprecher Rheingau 7807

Berlin, den 26 Juli 1924

Herr Professor S. Platonov,
Mitglied der Petersburger Akademie der Wissenschaften,
z.z. Wiesbaden.
Idsteinerstrasse 25

Sehr geehrter Herr Professor!

Im Auftrage von Herr Professor Hoetzsch beehre ich mich, Ihnen mitzuteilen, dass sich die Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas gestattet, Sie auf Donnerstag, den 31 Juli, abends 8 Uhr zu einem einfachen Abendessen in den Räumen des Flugverbandhauses, Berlin W 35 Schönebergerufen 40, einzuladen. Die Historiker der Berliner Universität, die Mitglieder unserer Gesellschaft und die Mitglieder des Seminars für osteneuropäische Geschichte und Landeskunde werden sich werden sich freuen, Sie an diesem Adend begrüßen zu können.

Mit dem Ausdruck vorzüglichster Hochachtung
sehr ergebenst H. Ionas. Generalsekretär¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 1

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas. Печатный текст.

Перевод

Генеральный секретарь Г. Йонас
Берлин – Фриденау Борнштрассе. 21
Телефон Rheingau 7807

Берлин, 26 июля 1924

Профессор С. Платонов,
Действительный член Петербургской Академии наук,
в настоящее время Висбаден.
Идштайнерштрассе 25

Уважаемый господин профессор!

От имени профессора Гётча имею честь сообщить Вам, что Немецкое общество изучения Восточной Европы просит разрешения позвонить Вам в четверг, 31 июля, в 8 часов утра, чтобы пригласить Вас на дружеский ужин в Доме авиационной ассоциации, по адресу Берлин, W 35 Шёнебер, 40. Историки Берлинского университета, члены нашего общества и участники семинара по восточноевропейской истории и региональным исследованиям будут рады приветствовать Вас на этом ужине.

С выражением крайнего уважения, генеральный секретарь Г. Йонас.

Заметка из газеты «Руль»¹

Недавно в Берлин прибыл знаменитый русский историк академик С. Ф. Платонов. В четверг 31-го июля Общество по изучению восточной Европы устраивает в залах Флугфербанда на Шепобергеръ-Уферъ торжественное чествование нашего соотечественника. Как нам передают, советское посольство настояло на том, чтобы чествование это носило интимный характер: в чествовании будут участвовать 25 приглашенных лиц, представителей германской науки и советских дипломатов. В числе последних находится и Братманъ-Бродовский².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 2

№ 2

Moskau, 22 September 1925

Hochverehrter Her Professor!

Am Donnerstag, den 24 September, bin ich von morgen elf Uhr abends gern Uhr noch animal in Leningrad.

Ich wired sehr feinen, wenn ich an diesen Tage in den Abendotunder ein paar Tagen mit Hinen beoprechen Koimte, z. B. die Heransgabe einer Iubilämus – son dernumminier unserer Zeitschrift «Osteuropa».

Ich werde mir erlauben, gleich nach meiner Ankunft in Leningrad bei Ihnen an-gurifer, welche zeil Ihnen an besten past.

Anperdem wäre ich Ihnen aufvidtig dankbar, wem Sie sich der Mühe unterzi-chen und den Хранителя Детскосельских дворцов-музеев, Нем W.J. Jakowlev, be-nachvittigen wirdes, dapich ilin am Donuev tag nachnuitag in Detskoje aufsuchen michte.

¹ Текст печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

² На письмо приклеена вырезка из газеты. Под ней помета, сделанная С. Ф. Платоновым: «Руль. I. VIII. 1924. № 1112». Братман-Бродовский Стефан Иоахимович (1880 – 1937) – советский дипломат, участник революции и Гражданской войны в России.

Ich kann ihn leider nicht direkt schreiben, weil ich seine genaue Abresc nicht habe.

Mit den besler Gnitzen und Empfehlungen hier ich

Ich sehr ergebener Ionas.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 3

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas. Рукописный текст.

Перевод

Москва, 22 сентября 1925

Уважаемый господин профессор!

В четверг, 24 сентября, я снова буду с 11 утра до 10 часов вечера в Ленинграде. Я был бы рад обсудить с Вами несколько вопросов в этот день вечером. Например, публикацию нашего юбилейного, специального выпуска журнала «Восточная Европа». Я позволю себе сразу после прибытия в Ленинград позвонить Вам. Какое время Вам подходит лучше? Кроме того, я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы оказали содействие и уведомили «хранителя Детско-сельских дворцов-музеев» господина В. И. Яковлева¹ о том, что я хотел бы его увидеть в селе Детское. К сожалению, я не могу написать ему напрямую, так как у меня нет его точного адреса.

Глубоко преданный Вам Г. Йонас.

№ 3

Moskau, 24 September 1925

Hochverehrter Her Professor!

Leider ist es mir unmöglich grwesen, Sie, wie ich Ihnen schrieb, am Donnerstag, den 24-ten, in Peterburg zu besuchen und mit Ihnen einige wissenschaftliche Fragen, besonders die Herausgabe einer Jubiläums-Sondernummer unserer Zeitschrift «Ost-Europa», zu besprechen. Unerwarteterweise muss ich nämlich bereits heute nach der deutsche Wolgarepublik und von da noch auf eine Woche nach Westsibirien reisen. Ich beschränke mich in diesem Brife darauf, Ihnen njch einmal ganz kurz darzulegen, wie ich eine Jubiläims-Sondernummer unserer Zeitschrift «Ost-Europa» unter Ihrer gütigen Mitwirkung denken würde. Die Zeitschrift erscheint in ainem Umfange ung fährt 4 ½ Bogen und besteht aus drei Teilen: 1/ wissenschaftliche Aufsätze, 2/ wis-

¹Яковлев Всеволод Иванович (1884 – 1950) – архитектор, искусствовед, музейный работник. В 1918 г. вошел в состав Комиссии по управлению дворцами и парками Детского Села и Павловска, председателем которой был назначен Г. К. Лукомский. После его отъезда В. И. Яковлев был назначен директором Объединения дворцов и парков Детского Села и Павловска.

сenschaftliche Berichte über Politik-Geschichte, Wirtschaft und geistiges Leben, 3/ Bücherbesprechungen, Bibliographie und Chronik.

Im ersten Teil würden wir wohl einen einleitenden Aufsatz von Prof. Hoetsch und ein Geleitwort von Lunatscharski bringen. Hier wäre also noch Platz zwei Aufsätze. In der Ruprik Berichte könnte man eine Uebersicht über die Tätigkeit der Russischen Akademie von 1914 bis auf den heutigen Tag geben, danach Beesprachungen von Akademieveröffentlichungen, eine Bibliographie der Akademieerscheinungen seit 1914 und schliesslich in der Chronik eine kurze Zusammenstellung über die laufende Tätigkeit der Akademie in Expeditionen, gelehrten Kommissionen usw.

So ungefähr würde ich mir die Nummer denken. Ich wäre Ihnen sehr dankbar, wenn Sie die Leibenswürdigkeit hätten, mir bis, zu meiner Rückkehr nach Moskau unter der Adresse – Deutsche Botschaft, Leontjewski 10, mitzuteilen, was Sie über den Plan und wie Sie über seine Verwirklichung denken. Ich werde etwa am 12 Oktober für zwei Tage wieder in Moskau sein.

Anbei erlaube ich mir von Exzellenz Schmidt-Ott und mir noch zwei Bücherwunschzettel beizulegen. Die ich aus Versehen nach Moskau mitgenommen habe.

Mit den besten Grüßen und Empfehlungen bih ich Ihr sehr ergebener Ionas¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 4–4 об.

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas. Печатный текст.

Перевод

Москва, 24 сентября 1925

Многоуважаемый профессор!

К сожалению, оказалось для меня невозможным посетить Вас, как я Вам писал, в четверг, 24-го, в Петербурге и обсудить с Вами некоторые научные вопросы, в особенности издание специального, юбилейного номера нашего журнала «Ост-Европа» («Восточная Европа»). Неожиданным для меня образом мне приходится сегодня же отправиться в Немецкую республику на Волге, а оттуда еще на неделю в Западную Сибирь. Я ограничиваюсь поэтому тем, что еще раз излагаю в этом письме совсем кратко, как я представлял бы себе специальный юбилейный номер нашего журнала «Ост-Европа» при Вашем любезном сотрудничестве.

Журнал выходит в объеме приблизительно 4 ½ листа и состоит из трех отделов: 1 / научные статьи, 2 / научные сообщения о политической истории, хозяйстве и духовной жизни, 3 / сообщения о книгах, библиография и хроника. В первой части мы бы поместили вводную статью профессора Отто Гётча и сопроводительную заметку Луначарского². Таким образом, здесь было бы ещё место

¹ Подпись рукописная.

² Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) – советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 г. по

для двух статей. В рубрике известий можно было бы дать обзор деятельности Российской Академии с 1914 г. до сегодняшнего дня; затем известия о подготовленных Академией изданиях, библиографию академических изданий с 1914 г. и, наконец, в хронике – краткую сводку сведений о текущей деятельности Академии в экспедициях, ученых комиссиях и т. д.

Так приблизительно представлял бы я себе этот номер. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы были любезны сообщить мне, к моему возвращению в Москву по адресу (Германское посольство, Леонтьевского, 10¹), что Вы думаете об этом плане и его выполнении. Я пробуду в Москве дня два, до 12 октября.

При этом позволяю себе приложить две записочки о желаемых книгах от его Пр[евосходительст]ва Schmidt-Ott и от меня, которые я предусмотрительно захватил с собою в Москву.

С наилучшими пожеланиями остаюсь глубоко преданный Вам Г. Йонас
ОР РНБ. Ф. 585. Он.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 5-5 об.

№ 4

Berlin, den 10 August 1928

Prof. S. F. Platonow,

38 bis, Rue Raphael, chez
Mame. Kraievitsch,
Vanves (Seine)

Sehr verehrter Herr Professor Platonow!

Herslichen Dank für Ihre freundlichen Zeilen vom 2. d. Mts.

Ich würde mich sehr freuen, wenn wir an dem in Berlin verabredeten Plan festhalten und uns auf Ihrer Rückkehr nach Petersburg am Rhein treffen würden. Ich Weiss nicht, was für Sie zweckmässiger ist, von Paris über Koblenz oder über Köln zu fahren. Ich werde auf jeden Fall in der Zeit zwischen dem 17. Und 23. August dort sein. Die genaue Adresse steht allerdings noch nicht fest, wahrscheinlich in einem kleinen Städtchen in der Nöhe von Koblenz, Boppard. Als geeignet für unser Zusammentreffen würde ich Montag, den 20. August halten. Ich würde den Magistrat der Stadt Köln, der sich für Ihre Ankunft interessiert, entsprechend verständigen, und wir würden an diesem Tage die Pressa unter sachverständiger Führung besichtigen können. Einen Tag vorher oder einen Tag nachher könnten wir 6 odann zusammen am Rhein oder an der Mosel subringen.

сентябрь 1929 г. – первый нарком просвещения РСФСР, академик АН СССР (1 февраля 1930 г.).

¹ Двухэтажный особняк Каратаевых построен в 1896 г., приобретен купцом И. В. Морозовым. До 1917 г. в нём жили супруги Морозовы. В 1922 г. здание отдала Германскому посольству.

Ich wäre Ihnen sehr dankbar, wenn Sie mir umgehend noch nach Berlin mitteilen würden, welche Tage Ihnen am besten passen, und ob es für Sie vorteilhaft ist, nach Koblenz oder noch Köln zu kommen. Vom 17.8. an erreichen mich Briefe am besten unter meiner Adresse, bei Herrn Ernst Laeis, Koblenz, Mainsenstr. 67/

Mit herzlichsten Grüßen an Sie, Ihr und Ihr Fräulein Tochter bin ich.

Ihr sehr ergebener Jonas¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 6–6 об.

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas. Печатный текст.

Перевод

Берлин, 10 августа 1928

Профессору С. Ф. Платонову,
38 бис, улица Рафаэля. Мадам Краевич,
г. Ванв (департамент О-дэ-ин)¹

Большое спасибо за Ваши добрые строки от 2-го числа сего месяца. Буду очень рад, если мы будем придерживаться плана, согласованного в Берлине, и встретимся по возвращении из Петербурга на Рейне. Я не знаю, какой маршрут из Парижа Вам больше подходит: через Кобленц или через Кельн. Я обязательно буду там с 17 по 23 августа. Точный адрес еще не определен, вероятно, в небольшом городке недалеко от Кобленца, Боппарде. Понедельник, 20 августа, считаю подходящим для нашей встречи. Я проинформирую магистрат Кельна, который, соответственно, заинтересован в Вашем приезде, и мы сможем посетить «Прессу» в тот день под руководством опытного гида. За день до или через день после возможной нашей встречи на Рейне или на Мозеле. Буду очень признателен, если Вы сразу после Берлина скажете мне, какие дни Вам подходят больше всего и будет ли Вам удобно приехать в Кобленц или Кельн. С 17 августа наилучший способ связаться со мной – письменно через г-на Эрнста Лейтца, Кобленц, Главная улица, 67.

С наилучшими пожеланиями к Вам и Вашей дочери.

Ваш очень преданный Йонас.

№ 5

Берлин, 16 августа 1928

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Очень Вам благодарен за Ваши любезные письма от 8-го и 12-го с[его] м[есяца]. Безусловно, Вам можно выехать из Парижа только 20-го и прибыть в Кельн 21-го вечером. Я очень хотел бы увидеться с Вами 22-го и совместно

¹ Адрес написан на французском языке. В это время С. Ф. Платонов находился во Франции, поэтому указан адрес проживания его дочери Надежды, эмигрировавшей с семьей.

осмотреть «Прессу». Я там все приготовлю и думаю, что Кельнский магистрат будет очень рад устроить Вам маленький завтрак с представителями кельнской науки и показать Вам свою выставку.

Если Вы приедете в Майнц 21-го в 10-30 утра, то Вы сможете выехать экспрессным парохомом в Кельн в 2-45 дня и прибудете в Кельн в 10-30 вечера. В то время я буду находиться в маленьком городе Боппард недалеко от Кобленца и постараюсь встретить Вас проездом через Боппард, чтобы совместно с Вами проехать несколько станций по Рейну, а другой день, т. е. 22-го, провести с Вами в Кельне. Очень сожалею, что нам не удастся посетить Мозель, но зато надеюсь, что нам будет возможно осмотреть старинный город Кельн и выставку «Пресса»¹. Если Вы там еще не забронировали гостиницы, то я рекомендую Вам Kölner Hof прямо против главного вокзала.

Я прошу Вас меня сразу уведомить и сообщить мне свой окончательный план по моему адресу: Woppard a. Rhein, Hotel Spiegel².

Примите мой сердечный привет и благоволите передать таковой Вашей многоуважаемой дочери. Ваш Йонас.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 7

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas. Печатный текст на русском языке.

№ 6

Professor Platonow
Akadem. der Wissenschaften
Uniwersitetskaja nab. 5 Leningrad

Berlin. 10 IV.

Uch schickte Ihnen heute antwort brief Krim Goten. Ionas.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 8

На бланке почтовой телеграммы. Печатный текст.

Перевод

Профессор Платонов. Академия наук,
Университетская наб., 5. Ленинград.

Сегодня я отправил Вам ответное письмо о крымских готах. Йонас.

¹ Международная выставка печати «Пресса», проходившая с 12 мая по октябрь 1928 г. СССР принимал участие в мероприятии, советский павильон оформлял художник Л. М. Лисицкий.

² Боппард-на Рейне. Отель Шпигель (с нем.).

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Примите мою сердечную благодарность за Ваше письмо от 26-го марта с. г., содержащее столь интересные и обстоятельные сообщения о стадии раскопок в связи с исследованиями о пребывании готов в Крыму. Я сообщил немедленно полное содержание Вашего письма Его превосходительству Шмидту-Отту, который меня просил Вам передать, что он в принципе согласен с Вашим предложением. Он также считает необходимым, чтобы Академия наук СССР играла бы руководящую роль во всем предприятии. Если сейчас еще и неизвестно, какие средства предоставить для раскопок, то Его превосходительство Шмидт-Отт все же надеется достичь благоприятного решения данного вопроса.

Во всяком случае, он Вам весьма признателен за Ваше письмо и был бы рад получить от Вас официальный ответ аналогичного содержания на свое письмо от 11-го марта с[его] г[ода]. Он сердечно благодарит Вас за Ваш привет и со своей стороны приветствует Вас и Ваше семейство. Пребывание в Ленинграде в кругу Вашего семейства связано с его лучшими воспоминаниями. Я лично смею уверить Вас в моей признательности за прекрасные часы, которые мне удалось провести в Вашем доме осенью прошлого года.

Во время моего пребывания в Кельне несколько недель тому назад первый вопрос, который мне был задан городским головой Беннером, касался Вас и Вашей дочери. Всем участникам остался завтрак в прессе-турмэ, устроенный в честь Вашего пребывания, в доброй памяти.

В заключение разрешите мне сообщить Вам еще следующее. После долгих подготовительных работ проф[ессору] Гётчу удалось, наконец, достать средства и издателя для основанного в своё время проф. Шиманном¹ Журнала для восточно-европейской истории, который с 1-го октября 1929 года будет регулярно выходить в старом объеме (ок[оло] 40 листов ежегодно). Ценным органом восточно-европейских исторических исследований он может стать только тогда, когда в нём будут сотрудничать историки, проживающие на территории СССР. Поэтому я был бы Вам весьма признателен, если Вы уже теперь бы известили Ваших коллег в Ленинграде об этом проекте. Ввиду того, что сбор материалов для первых номеров журнала начнется уже с будущего

¹ Шиманн Теодор (1847 – 1921) – профессор истории Берлинского университета. С 1910 г. Шиманн стоял во главе журнала «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte».

месяца, прием рукописи возможен уже теперь; рукописи направляются пока в бюро нашего общества.

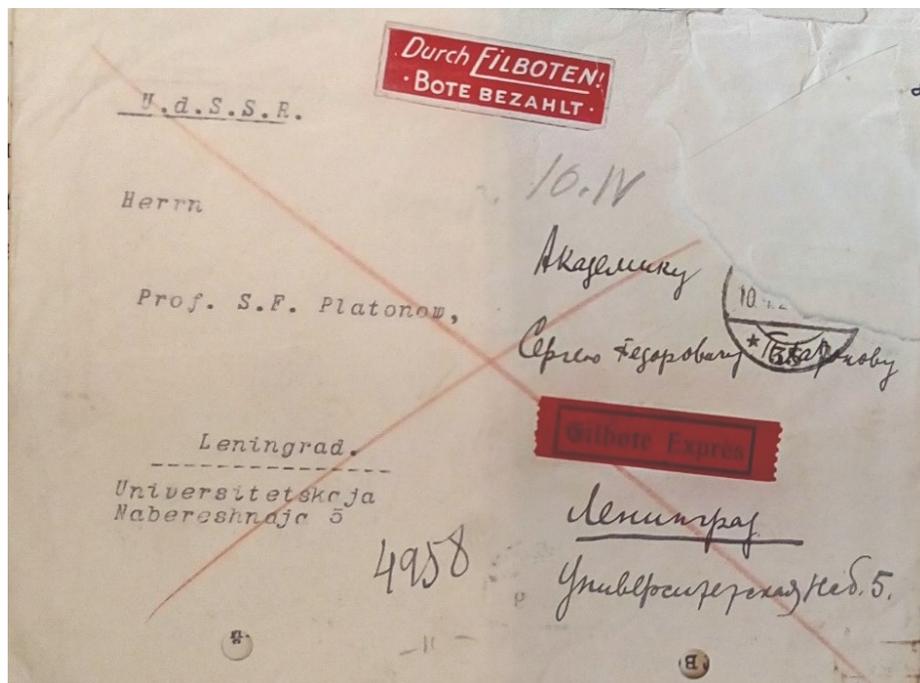
Рукопись Вашего доклада¹, прочтенного Вами во время недели историков в Берлине², мною получена. Все доклады печатаются в течение мая и июня в особом сборнике восточно-европейских исследований.

Ваша приписка насчет проф. Ф. А. Брауна мною сообщена Его превосходительству Шмидт-Отту.

С сердечным приветом Вам и Вашему семейству остаюсь глубоко Вам преданный. Ваш Ionas.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 9-10

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas. Печатный текст.

U.d.S.S.R. Herr Prof. S. F. Platonov. Leningrad. Universitetskaja

Перевод

СССР. Академику Сергею Федоровичу Платонову

Ленинград. Университетская наб., 5.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: 10. IV.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 11

Текст на конверте.

¹ Речь идёт о докладе «Проблемы Русского Севера в новейшей историографии».

² Неделя советской исторической науки состоялась в Берлине 7 – 14 июля 1928 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Спешу в ответ на Ваше любезное письмо от 29-го июня с. г. для Вашей личной информации сообщить первый результат конференции, состоявшейся по возвращению д-ра Шмидт-Отта на этих днях в Берлин. Почти окончательно решено, что Общество содействия германской науке пошлёт в Эски-Кермен¹ проф. Маргбургского университета Мерхарта, который во время войны, будучи австрийским военнопленным, находился в Сибири. Профессор Мерхарт говорит по-русски и регулярно следил за всей выходящей литературой по русским раскопкам. По изъявлению его согласия д-р Шмидт-Отт снесётся с Вами официально. Из-за визы, по всей вероятности, обратятся непосредственно к полпредству.

Глубоко тронут, что Вы сохранили в доброй памяти историческую неделю, наше совместное пребывание на берегу Рейна и наше посещение в Ленинграде. И для меня остались незабвенными эти дни и часы. Чувствую себя виноватым перед Вами, пообещав Вашей дорогой внучке² куклу, которую надеюсь переслать в ближайшее время.

Все рукописи лекций, читанных во время исторической недели, нами получены, часть их уже набрана, весь сборник выйдет в течение августа. Мы Вам весьма признательны за то, что Вы обратили внимание Ваших ленинградских коллег на предполагаемое издание «Журнала по Восточно-европейской истории» и передали им нашу просьбу о сотрудничестве. Надеюсь, что нам удастся возобновить журнал еще в течение 1929 года. Как и у Вас, это зависит, в первую очередь, от материального обеспечения.

Желаю Вам и Вашему семейству хорошо отдохнуть во время летних каникул и остаюсь глубоко уважающий Вас Н. Ionas.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 12–12 об.

На бланке: Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas.

№ 9

Академику Платонову. Улица Красных Зорь, 75. 23.10.

[К] сожалению, приехать 24-го не могу. Йонас.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л.13

На бланке почтовой телеграммы. Рукописный текст на русском языке.

¹Эски-Кермен – средневековый пещерный город-крепость в юго-западной части полуострова. Город был основан в конце VI в. как византийское укрепление и просуществовал до конца XVI в.

²Шамонина Наталья Николаевна (1913 – 1980) – внучка Платоновых от дочери Веры Сергеевны.

Библиографические ссылки

1. С. Ф. Платонов. Переписка с историками : в 2 т. / ред. С. О. Шмидт ; сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. Т. 1. 383 с.
2. Академическое дело 1929 – 1931. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / отв. ред. В. П. Леонов. СПб. : [Б. и.], 1993. 296 с.
3. Ананьич Б. В., Панеях В. М. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929 – 1931 гг.» // *In memoriam* : ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченка. М. ; СПб. : Atheneum-Фениксу, 1995. Вып. 1. С. 87 – 111.
4. Бородин С. В. Институциональное формирование германского руссификации // *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2013. Вып. 3. С. 90 – 94.
5. Брачев В. С. Зарубежные поездки С. Ф. Платонова // *Из истории российской эмиграции* : сб. ст. СПб. : Третья Россия, 1992. С. 44 – 48.
6. Брачев В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб. : Астерион, 2010. С. 320 – 323.
7. Гриднев Ю. А. Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей: 1925 – 1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 183 с.
8. Детлова Е. В., Добиат К., Кузьминых С. В. Геро фон Мергарт в истории российской и немецкой археологии (международный симпозиум «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914 – 1921 гг.», Марбург, 2009) // *Российская археология*. 2010. № 2. С. 186 – 188.
9. Киселева Н. В. Из истории борьбы советской общественности за прорыв культурной блокады СССР (ВОКС: середина 20-х – начало 30-х годов) / отв. ред. В. Н. Смирнов. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1991. 160 с.
10. Митрофанов В. В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С. Ф. Платонова : монография. Нижневартовск, 2005. 160 с.
11. Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и раскопки в Эски-Кермен в 1929 г. // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Казань : Отечество, 2014. Т. V. С. 184 – 186.
12. Митрофанов В. В. Проблемы Эски-Кермена в письмах Шмидта-Отта к С. Ф. Платонову // *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 4 (36). С. 13 – 31.
13. Минц И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // *Историк-марксист*. 1928. № 9. С. 84 – 96.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 5169. Л. 1 – 13.

15. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об учёных трудах проф. Ф. А. Брауна // Известия Академии наук СССР: IV сер. Л., 1927. № 18. С. 1499 – 1503.

16. Платонов С. Ф. Проблема Русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 – 1928 годы. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. Вып. 35. С. 105 – 114.

17. Третьяков Н. С. Охрана, реставрация и использование художественных памятников в пригородных музеях Петрограда-Ленинграда в первые годы советской власти // Вестник архивиста. 2006. № 4/5. С. 270 – 286.

18. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х – начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2008. Т. 3. С. 249 – 251.

19. Ханс Йонас, Отто Шиллер, Клаус Менерт, Вернер Маркерт, Эрнст фон Эйке: 50 лет восточноевропейских исследований // К истории Немецкого общества изучения Восточной Европы и Немецкого общества восточноевропейских исследований. Аахен, 1963. С. 5 – 34.

20. Фойгт Г. Научные воззрения и общественно-политическая деятельность немецкого историка Восточной Европы Отто Гётча (1876 – 1946) // История и историки: историографический ежегодник. 1978 / пер. С. В. Оболенской ; отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1981. С. 127 – 147.

21. Шлегель К. О тщетности жизни профессора. Отто Хётч и немецко-русские исследования // Восточная Европа. 2005. Т. 55, № 12. С. 5 – 28.

22. Обвинительное заключение по делу Дингеса Г. Г., Зиннера П. И. и Сынопалова А. К. от 10 октября 1931 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wolgadeutsche.net/history/obw_zakl_10_10_1931.htm (дата обращения: 12.01.2023).

V. V. Mitrofanov

SCIENTIFIC RELATIONS OF G. JONAS WITH S. F. PLATONOV

The 1920s were marked by a number of promising events and whole directions in scientific communication between Soviet and German scientists. Published studies have revealed them in many ways, but archival documents are constantly being revealed, which allow not only to concretize, but also to find out new facts of such connections and fill them with new content. Academician S.F. Platonov maintained personal ties with well-known German scientists and public figures, who in many ways remain little-known. A small epistolary layer of G. Jonas, which has not been involved so far, allows us to name the main issues on which their interaction took place. This is,

first of all, the publication of the magazine "Eastern Europe", archaeological excavations on Eski-Kermen. No less important is information about personal meetings, both in Moscow and in Germany. Interesting facts are given about the conciliation procedures of a number of planned events that were of mutual interest.

Keywords: S. F. Platonov, G. Jonas, German Society for the Study of Eastern Europe, international relations, journal publication, Eski-Kermen, business trips abroad.

УДК 94

И. Ю. Смирнова

МИССИЯ АРХИЕПИСКОПА КЕНТЕРБЕРИЙСКОГО В ЗАПАДНОЙ ПЕРСИИ (1886): К ПРЕДЫСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ

В статье представлен обзор начального этапа миссионерской деятельности Церкви Англии в Западной Персии, Восточной Турции и Курдистане, следствием которой стало учреждение в 1886 г. Кентерберийской миссии к ассирийцам. Критерии и подходы британских миссионеров к одной из Древних Церквей Востока в рамках концепции воссоединения двух Церквей рассматриваются в контексте конкуренции с американскими протестантами в регионе, который американцы считали своей сферой миссионерской деятельности. Формирование англикано-несторианских отношений привлекло внимание российских дипломатов, выступивших инициаторами учреждения в 1898 г. Русской духовной миссии в Урмии.

Ключевые слова: Церковь Англии, Несторианская Церковь, российское генеральное консульство в Тавризе, Русская духовная миссия в Урмии.

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

Одним из универсальных инструментов колониальной политики Великобритании (как, впрочем, и других западных держав) являлись духовные миссии, роль которых в XIX столетии заметно возросла в связи с задачами империи, обусловленными ее геополитическими интересами и соперничеством с другими державами за политическое преобладание и раздел сфер влияния в стратегически значимых регионах. В начале 40-х гг. XIX в. таким важным как в дипломатическом, так и в миссионерском отношении становится регион, включавший Персидский Азербайджан, Курдистан и

Восточную Турцию. После Русско-персидской войны 1826 – 1827 гг. эта область, где значительную часть местного населения составляли несториане, оказалась в поле зрения миссионеров – сначала католиков и американских протестантов, позже – представителей Церкви Англии и, наконец, в конце столетия – русских.

Но если история русского духовного присутствия в Западной Персии и деятельности Русской духовной миссии в Урмии получила освещение в историографии, то исследований компаративного характера, позволяющих оценить эффективность работы представителей различных держав и конфессий, а также их взаимодействие и степень влияния на христианские общины в условиях неизменной конкуренции друг с другом, все еще немного, несмотря на обширную литературу по истории протестантского и католического духовного присутствия в Персии и других государствах Ближнего Востока в XIX в. [5 – 7; 12 – 14; 18]. В этой связи интересно проследить формирование миссионерской деятельности среди несториан – представителей Церкви Англии, которая оказала решающее влияние на учреждение российского церковного представительства в Урмии в конце XIX в.

Возникновение первых контактов представителей Церкви Англии с несторианами относится ко времени экспедиции Королевского географического общества в Евфратскую долину 1836 – 1837 гг., познакомившей английское общество с несторианами и

возбуждавшей «живой интерес к остаткам древнего христианства на востоке» [1, л. 203]. В 1838 г. Королевское географическое общество совместно с Обществом распространения христианских знаний приняло решение об отправке новой экспедиции к христианам Халдеи под руководством Уильяма Эйнсворта, участника Евфратской экспедиции. Целью экспедиции указывалось установление контактов с несторианскими христианами региона, исследование их быта и положения; негласной же целью являлось проведение дальнейших минералогических исследований.

В отчете, представленном Эйнсвортом по возвращении в Лондон Обществу распространения христианского знания [10, л. 3], отмечалось желание Мар-Шимона, епископов и всего несторианского духовенства о направлении к ним духовного лица от Англиканской Церкви «с целью оказания помощи и содействия к образованию и развитию несторианского народа» [3, л. 3-3 об.; 17].

В 1842 г. в Курдистан были командированы каноник Дж. П. Бэджер [15, р. 94 – 95] и его ассистент Флетчер. С одной стороны, это был ответ на прошение несториан, с другой – продолжение целенаправленной политики Церкви Англии по учреждению своих епархий за пределами Британии и распространению своего влияния на Восточные Патриархаты, включая Древние Восточные Церкви. Присутствие миссионеров совпало с восстанием одного из курдских вождей – Бедер-Хан-

Бека, разрушившего несторианские церкви и деревни и угрожавшего истреблением всех несториан [3, л. 4-4 об.]. Тогда погибло около 20 тысяч айсоров. Присутствие миссионеров и вмешательство по их просьбе посла при Порте сэра Стрэтфорда Каннинга спасли несториан от полного истребления. С тех пор несториане не переставали взывать к Англии о помощи.

Доктор Бэджер оставался в Курдистанских горах, где начал просветительскую работу среди ассирийцев, до 1844 г., когда, несмотря на обращение несторианских иерархов и старейшин к главе Церкви Англии архиепископу Кентерберийскому с настоятельной просьбой оставить Бэджера в качестве миссионера для «учреждения школ и просвещения несториан» [16, р. 38 – 40], он вынужден был вернуться в Англию в связи с отказом в 1843 г. Общества распространения Евангелия от финансирования.

По мнению российских дипломатов, командировка Бэджера «не привела к каким-либо положительным результатам» [Там же], однако с этим трудно согласиться, так как дальнейшие меры, принятые в Англии, являлись следствием исследований и рекомендаций Бэджера, который, продолжая дело Эйнсворта, обращал внимание главы Английской Церкви на близость догматов Несторианской Церкви к Англиканской [11].

Однако после отзыва Бэджера ни Ламбетский дворец, ни церковные общества никаких практических шагов не предпринимали вплоть до 1868 г.,

когда в Лондон была направлена петиция несторианского духовенства и старейшин, адресованная архиепископу Кентерберийскому Чарльзу Лонгли и архиепископу Лондонскому Арчибалду Кэмпбеллу Тейту. Петиция, полученная в начале 1868 г., придала новый импульс движению в Англиканской Церкви, направленному на оказание помощи Церкви Востока [14, р. 54].

Несмотря на «искусственный пафос» послания (а также на сомнительность лиц, его подписавших), архиепископ Чарльз Лонгли нашел его «трогательным и интересным» и поставил вопрос о создании духовной миссии, независимой от каких-либо других обществ, например Общества распространения Евангелия или Англоконтинентального общества. В качестве первой, «очень скромной меры» архиепископ предложил сформировать отдельный комитет, который мог бы послать двух миссионеров к бедствующим несторианам, оказавшимся «между двух враждебных сил – магометанской, с одной стороны, и папской – с другой, и преследовавшимся обеими» [Там же, р. 60].

Однако полемика в Англии по поводу помощи несторианам растянулась на долгие шесть лет, причиной чему послужила не только кончина архиепископа Лонгли, но и негативная реакция американских миссионеров на присутствие представителей Английской Церкви в регионе, который американцы полагали своей сферой ответственности. Кроме того, особого внимания потребовало обсуждение кон-

цепции Бэджера и его единомышленников о возможности воссоединения Церкви Англии и Древней Церкви Востока.

В 1876 г. архиепископ Кентерберийский командировал для изучения на месте ситуации в Несторианской Церкви каноника Катса, который посетил главные племена горских айсоров, вошел в дружеские отношения с предстоятелем несториан Мар-Шимоном Рувимом. Помимо патриарха, как отмечали российские дипломаты, «на удочку англичан попала целая партия несториан, до сих пор не оставляющая надежды на англичан» [4, л. 38 об.]. Кате познакомился с состоянием и других миссий в этом регионе – трех католических: мосульской, ордена доминиканцев и салмаско-урмийской ордена лазаристов, а также миссией Американской методистской церкви в Салмесе и Урмии.

Отчет Катса о поездке, изданный отдельной книгой, возбудил живой интерес в высших духовных сферах Англии. Практическим результатом поездки стало согласие епископата Церкви Англии открыть для несториан школу и завести типографию для печатания книг на халдейском языке [3, л. 4 об.], однако Русско-турецкая кампания 1877 – 1878 гг., а затем и Курдское восстание 1880 г. отодвинули дело решения этого вопроса до 1886 г., когда в Урмии была учреждена Кентерберийская миссия к несторианам.

В середине июля 1886 г. Ательстан Райли, А. Маклин и У. Х. Браун в сопровождении персидскоподданного

неисторианина, получившего воспитание в Англии, прибыли в Урмию для открытия там духовной англиканской миссии в целях «восстановления и поддержания пришедшей в полный упадок Несторианской Церкви, равно как и для поддержания нравственного уровня среди тамошнего христианского населения» [3, л. 1об.-2а]. (Русские дипломаты считали Райли в связи с его энтузиазмом, активной публицистической деятельностью и щедрой материальной поддержкой главным инициатором и идеологом британской духовной миссии к несторианам [4, л. 61 об.-62]).

Из Урмии Райли и миссионеры в сопровождении французского (и одновременно турецкого) агента первым делом направились в Хакьяри для встречи с Мар-Шимоном в его резиденции в с. Кочанис; впоследствии они посетили и турецкий город Ван – крупный центр на восточном берегу озера Ван, роль которого в политике Османской империи постепенно возрастала из-за его расположения вблизи границ Персидской, Российской и Османской империй, а также близости к Мосулу.

Результаты работы Англиканской миссии в течение первых восьми месяцев «превзошли самые смелые ожидания»: в письме к Райли от 4 января 1887 г. каноник Маклин сообщает об устроенных в Персии семинарии (колледж для священников и диаконов) и элементарной школе (гимназия для мальчиков, специально предназначенных для будущего служения), «об

условиях внутренней жизни этих заведений и, наконец, о предметах преподавания, среди которых были древний халдейский, английский и персидский языки, священная история, литургия, география и арифметика» [4, л. 4-4 об.].

Поле деятельности Миссии не ограничивалось одной лишь Западной Персией, но распространялось и на несториан, проживающих в Турции, – в вилайетах Ван и Диарбекир. Для поддержания Миссии в 1887 г. был создан специальный «Фонд помощи ассирийским христианам» («Assyrian church fund»). Летом 1887 г. в помощь Маклину и Брауну прибыл из Лондона каноник Лэнг.

Теме британского миссионерства было отведено значительное место в переписке между российскими представителями на местах и руководством МИД как важной составляющей дипломатической работы в Западной Персии.

В фокусе внимания российских представителей в Персии находились такие вопросы конфессиональной политики великих держав, как деятельность их миссионерских представительств в Урмийском и других округах Персидского Азербайджана, попытки наладить диалог с несторианским, сиро-яковитским, армянским населением Западной Персии, развитие российско-британских отношений как по дипломатическим, так и церковным каналам.

У русских дипломатов не было сомнений насчет дальнейшего развития событий в связи с водворением ан-

глийских миссионеров: новым игрокам на миссионерской сцене предсказывали «значительные результаты в политическом отношении, в сравнительно короткое время». Еще в 1876 г. российский вице-консул в Ване А. М. Коллюбакин писал в МИД о появлении в Курдистане и Урмии доктора Катса как о «первой серьезной попытке англичан» наладить тесные контакты с Несторианской Церковью [4, л. 37]. Российские дипломаты не сомневались, что британский миссионерский проект «при настойчивости и значительных материальных средствах должен иметь успех» [Там же, л. 60-60 об.]. «Бросая деньги направо и налево, – писал Коллюбакин уже в 1886 г., – они привлекают на свою сторону как все высшее духовенство, так и большинство вождей народа, а за ними и массу населения» [Там же, л. 42 об.].

Учреждение духовной миссии Английской Церкви российские наблюдатели восприняли как чисто политический маневр. Если в присутствии католических и американских миссионеров российский генконсул в Тавризе А. А. Петров не видел повода для беспокойства, то появление на миссионерской сцене представителей Великобритании, трудившихся под эгидой государственной Церкви Англии при поддержке британского общества и под «исключительной и энергической охраной» британских дипломатов, он воспринял с большой тревогой, сознавая, что конфессиональная ситуация в Урмии может измениться в ущерб интересам России.

Российские дипломаты не только внимательно следили за масштабной и планомерной миссионерской работой западных держав, направленной на укрепление их влияния в регионе, но предлагали меры для укрепления несториано-православных контактов. Полагая, что Россия не должна оставаться в стороне, как это было прежде, генконсул предложил «посылать наше духовенство к несторианам» для их просвещения в целях «поддержания национального духа несториан и оказания противодействия западной пропаганде» [8, с. 66]. С этим мнением был согласен и вице-консул в Ване, убежденный, «что, если айсоры в данное время и питают к кому-нибудь привязанность, то только к России; роль остальных миссий значительно меньше, а по отношению к айсорам Хаккяри сводится в сущности к нулю» [4, л. 80 об.].

По мнению генконсула в Тавризе, появление нового деятеля в лице и «во всеоружии» представителя британской государственной Церкви может «создать нежелательный для России порядок вещей в местности, сопредельной с ее владениями», особенно если принять во внимание постоянное уклонение российского правительства от «исполнения ходатайства айсоров о принятии их в лоно Православной Церкви».

По мнению Петрова, несочувствие России (в отличие от Великобритании) к бедственному положению несториан может охладить приверженность членов Древней Церкви к России

и, как следствие, болезненно отозваться на ее влиянии и авторитете. В такой ситуации опасения по поводу недовольства персидского двора, которые всегда являлись сдерживающим фактором для какой бы то ни было российской активности в интересах несториан (и рассматривались российской дипломатией в качестве «достаточного повода к воздержанию от активной деятельности на пользу несториан»), уступали место необходимости политические интересы России: «С тех пор, как Правительство Шаха открыло западным миссионерам широкое поле деятельности среди своих христианских подданных и когда на это поле вступает ныне и Англия, соперница наша на Востоке, мы можем и должны даже признавать и себя в полном праве посылать наше духовенство к несторианам, симпатии которых к нам стоят вне всякого сомнения» [1, л. 226 об.-228].

В качестве первоочередных подготовительных мер Петров назвал назначение при церкви генконсульства в Тавризе солидно образованного русского православного причта (священнослужитель, диакон и причетник) как для изучения «духовных стремлений тех из несториан, которые пожелали бы принять православие», так и для подготовки несторианского духовенства к будущему служению. Другим необходимым шагом должно было стать открытие школ для несториан в Урмии, предназначенных для «поддержания национального духа несториан и оказания

противодействия западной пропаганде» [1, л. 224].

Эти соображения поддержал экзарх Грузии Павел (Лебедев), в 1885 г. пообещавший айсорскому епископу в Урмии Мар Иоанну ходатайствовать от имени урмийских несториан перед Священным Синодом о назначении в Урмию «частной неофициальной миссии из трех священников и об отпуске из Св. Синода хотя небольшой суммы на открытие в Урмии нескольких школ» [Там же, л. 253]. Тем не менее понадобилось еще более десяти лет, чтобы Русская духовная миссия (РДМ) в Урмии получила официальное учреждение.

Российская миссия, учрежденная в 1898 г. в ответ на расширение церковного присутствия других держав, была воспринята западными дипломатами как важный в стратегическом отношении форпост России в Персидском Азербайджане [9]. Основной задачей британских консулов и миссионеров (в контексте британской политики – воспрепятствовать России в ее продвижении в Индию) «было помешать переходу несториан в православие и присоединению их к Русской Церкви» [5, с. 156].

Британский генконсул в Урмии Сесиль Вуд предпринял «экскурсию в осеннее время» с тем, чтобы составить представление о целях и задачах нового российского церковного представительства. Считая Персидский Азербайджан не только тяготеющим к России, но и имевшим «характер русской провинции, в которой на первом плане стоят одни лишь русские интересы в

ущерб интересам других держав», Вуд был убежден, что присутствие там РДМ еще более укрепит российское влияние и что его долг как дипломата и британского подданного состоит в том, чтобы «положить тому предел тем или иным путем» [2, л. 101]. Аналогичных воззрений придерживался и французский консул Бержерон, который, несмотря на союзные на тот момент отношения между Францией и Россией (так называемый франко-русский союз), видел в членах РДМ опасных конкурентов и считал, что прибытие русских миссионеров подрывает положение находившейся под его покровительством католической миссии в Урмии и Салмасы и сведет к минимуму число римско-католических прозелитов [2, л. 101об.].

Таким образом, анализ дипломатической переписки российских представителей в Западной Персии и отчетов западных миссионеров свидетельствует о том, что «конфессиональный» вектор выступал важной составляющей дипломатий великих держав, соперничество и противостояние которых проявлялось не только во внешнеполитической, но и в миссионерской сфере. Конкуренция держав на миссионерском поле сыграла ключевую роль в учреждении Русской духовной миссии в Урмии, главными инициаторами которого, как и в случае Иерусалимской (1848) и Японской духовных миссий (1870), выступили российские дипломаты, работа которых в этноконфессиональных регионах осуществлялась во многом по церковным каналам.

Библиографические ссылки

1. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934.
2. АВП РИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 948.
3. АВП РИ. Ф. 289. Оп. 570/1. 1886. Ед. хр. 1632.
4. АВП РИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898.
5. Герд Л. А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137 – 157.
6. Константин (Горянов, архиеп.). История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12 – 39.
7. Петрунина О. Е. Отношение христиан Османской империи к протестантам в XVII – начале XX в. // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире : сб. науч. ст. СПб. : Алетейя, 2019. С. 302 – 318 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 156. Сер. II: Исторические исследования, 96).
8. Смирнова И. Ю., Шавлидзе З. Б. К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 61 – 68.
9. Смирнова И. Ю. Британо-российское противостояние во 2-й половине XIX в. (миссионерский аспект) // «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб. : Алетейя, 2021. С. 340 – 360.
10. Ainsworth W. F. Travels and Researches in Asia Minor, Mesopotamia, Chaldea, and Armenia. London : John W. Parker, 1842. In 2 vol.
11. Badger P. G. The Nestorians and their Rituals. London, 1852, 2 vols.
12. Becker A. H. Revival and Awakening: American Evangelical Missionaries in Iran and the Origins of Assyrian Nationalism. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 440 pp.
13. Berg van den H. M. The Middle East: Western missions and the Eastern churches, Islam and Judaism // The Cambridge History of Christianity. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 458 – 472 pp.
14. Coakley J. F. The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford: Clarendon Press, 1992. 432 pp.
15. Percy G., Badger P. G. // Dictionary of National Biography, 1901. P. 94 – 95.
16. Report of the Foundation of the Mission in 1886. // Riley Athelstan. The archbishop of Canterbury's mission to the Assyrian Christians. 1891.

17. [Riley A.] Report on the foundation of the Archbishop's Mission to the Assyrian Church in 1886 by Athelstan Riley, M. A. London, 1887.

18. Shavit D. The United States in the Middle East : a historical dictionary. New York : Greenwood Press, 1988. 441 pp.

I. Yu. Smirnova

MISSION OF THE ARCHBISHOP OF CANTERBURY TO WESTERN PERSIA (1886): TOWARDS THE BACKGROUND OF THE FOUNDATION

The article presents an overview of the initial stage of missionary activity of the Church of England in Western Persia, Eastern Turkey and Kurdistan, which resulted in the establishment in 1886 of the Canterbury Mission to the Assyrians. The criteria and approaches of British missionaries to one of the Ancient Churches of the East within the framework of the concept of the reunification of the two Churches are considered in the context of competition with American Protestants in the region, which the Americans considered their sphere of missionary activity. The formation of Anglican-Nestorian relations attracted the attention of Russian diplomats, who initiated the establishment in 1898 of the Russian Ecclesiastical Mission in Urmia.

Keywords: The Church of England, the Nestorian Church, the Russian Consulate General in Tabriz, the Russian Spiritual Mission in Urmia.

УДК 94 (100)

В. О. Терентьев

БРИТАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ NEWSOMBE В МАЛИ (2013 – 2022)

В статье представлены результаты исследования расширения британского присутствия в Африке, в частности в бывшей французской колонии Мали, за последнее десятилетие. На примере страны, ранее не входившей в зону британских интересов, показаны формы, методы и способы реализации новой стратегии влияния Великобритании по всему миру в виде «Глобальной Британии». На фоне усиленного внимания России, Китая, Франции и англосаксонского мира к ресурсам Сахельского региона представлена эволюция британской экономической и военной политики в государстве Мали.

Ключевые слова: Великобритания, Мали, Африка, «Глобальная Британия», Operation Newcombe.

В неокOLONIALном мире Великобритания серьезно обращает внимание на Африканский континент, обладающий огромным ресурсным потенциалом. При этом в XXI в., позиционируя себя как глобального игрока, Великобритания опирается на формирование информационной картины во всем мире. Действуя активными военными средствами в нарушение юридического поля ООН, британские лидеры проводят боевые операции в интересах Соединенного Королевства и англосаксонских транснациональных корпораций (ТНК). Франция получила поддержку со стороны британской армии в Мали через два года после активного участия Великобритании в интервенции в Ливии по свержению режима М. Каддафи [11]. Малийский кризис вообще стал закономерным следствием свержения режима М. Каддафи и «Арабской весны». Одновременно с операцией Newcombe Лондон вел военные действия в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, проводил целый ряд тайных и явных операций, например по подготовке Украины и Грузии к войне с Россией [7; 12].

После референдума 2016 г. правительство Британии начало использовать термин «Глобальная Британия» как название стратегии внешней политики постбрекзита. Тереза Мэй определила «видение Глобальной Британии» как страны, которая будет «принимать полное участие в продвижении мира и процветания во всем мире» и «с помощью наших великолепных вооруженных сил и разведки

защищать наши интересы и безопасность, как и безопасность наших союзников» [20]. Основным врагом с 2015 г. обозначена Россия, хотя на всем протяжении российско-британских отношений между двумя странами сохранялось явное антагонистическое противостояние [5; 8; 9].

Кроме расширения политического влияния и вытеснения Китая и России одной из главных причин присутствия Великобритании на Африканском континенте являются ресурсы. Мали – одна из ведущих золотодобывающих стран в Африке. Также в стране имеются крупные разведанные запасы бокситов, фосфатов, алмазов, марганца и лития. В 2013 г. было открыто газовое месторождение в 60 км. от столицы Мали, что позволяет рассматривать страну как крупного производителя электроэнергии для Западной Африки. Влияние Франции в стране снижается, основными торговыми партнерами являются Швейцария и Китай. Роль Китая в экономике страны постоянно растет. Так, китайские компании широко участвуют в строительстве и восстановлении транспортной инфраструктуры страны. Тем не менее основными добывающими компаниями выступают транснациональные англосаксонские: золотодобывающие AngloGold Ashanti (ЮАР), Randgold Resources (брит., с 2018 г. – канадская), B2Gold (канадская), Resolute Mining (австралийская); нефтегазовая Petroma (канадская) и ряд других. Постепенно, посредством поглощения западных фирм на золотодобывающий

рынок Мали проникает Китай. Многие из этих ресурсов были разведаны советскими специалистами, большое значение играл советско-малийский золотодобывающий проект «Калана». Интересы России лежат как в плоскости урана, так и нефтегазоносных месторождений [3]. Сейчас большинство месторождений находится под контролем государства, однако урановый и алмазный участки располагаются в зоне боевых действий, а молибденовый участок контролируется «ИГИЛ в Великой Сахаре». Поэтому государству Мали необходимо решить проблему обеспечения стабильности региона. 25 июня 2019 г. в Москве было подписано соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Мали о военном сотрудничестве, взаимодействии по борьбе с терроризмом и совместной подготовке войск [6]. Мали традиционно является импортером российского вооружения. Другими важными точками сотрудничества России, Китая и Мали могут стать долгосрочный глобальный логистический проект «Транссахарская магистраль», развитие IT-технологий в Африке. В настоящее время из России в Мали идут поставки пшеницы и нефтепродуктов.

Великобритания на Африканском континенте военно-политические игры ведет наиболее жестко, в колониальном стиле. С началом восстания туарегов в Мали в 2012 г. Великобритания открыла свое посольство в Бамако (до этого за отношения Соединенного Королевства с Мали отвечал глава

дипмиссии в Сенегале). Посольство на протяжении острой фазы восстания, охватившего урано-фосфоритный регион, возглавлял молодой, малоизвестный бывший английский консул французского г. Лилля, доктор химических наук Ф. Бойл. В 2013 г. Великобритания приняла ограниченное участие в военной операции Франции и ее союзников против восставших туарегов и радикальных исламских группировок в Мали.

Операция «Ньюкомб» (Newcombe) – кодовое название двух отдельных и одновременных британских военных операций в Мали. Одна операция включала материально-техническую и воздушную поддержку французских операций Serval и Barkhane, в то время как другая – миротворческую деятельность в поддержку многоаспектной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (MINUSMA).

Великобритания первой из многих стран оказала поддержку французской операции Serval. Операция была начата 13 января 2013 г. премьер-министром Дэвидом Кэмероном и первоначально включала стратегические воздушные перевозки двумя самолетами C-17 и воздушную разведку самолетом Sentinel R.1 (базировался в Дакаре) в интересах французского контингента и сил ЭКОВАС. 20 человек в Бамако обеспечивали связь и взаимодействие с французами. В ответ на это 16 января террористы «Аль-Каиды» атаковали нефтяное месторождение ТНК ВР в Алжире.

29 января 2013 г. 330 британских военнослужащих были командированы в англоязычные страны Западной Африки для обучения вооруженных контингентов, направляемых в Мали в рамках Африканской международной миссии поддержки Мали (AFISMA). Среди них было 40 инструкторов, посланных непосредственно в Мали для поддержки Учебной миссии ЕС в Мали (EUTM Mali). 27 марта в Бамако прибыли первые инструкторы. Великобритания также оказала помощь миссии AFISMA транспортными рейсами самолетов RAF C-17. В составе миссии MINUSMA находились два британских офицера. В будущем целый ряд англоязычных африканских контингентов MINUSMA Содружества стал для Великобритании прокси-структурами, с помощью которых осуществлялось британское влияние как на ход операций, так и на действия противника. 22 мая 2013 г. первый этап операции был завершен. Общие расходы на операцию составили 17,4 миллиона фунтов стерлингов, кроме того, 2,7 миллиона долларов – в фонд поддержки мира и безопасности в Мали [19; 22]. Sentinel R.1 совершил 66 самолето-вылетов (697 часов).

С 2014 по 2016 г. послом Великобритании в Мали была назначена Дж. Адамсон, офицер Ордена Британской империи, специалист МИД и ООН по разоружению и торговле оружием [18]. При ней начался второй этап операции Newscombe: поддержка французской операции Barkhane и уча-

стие в миссиях ЕС и ООН. В этот период число британских инструкторов снизилось до 26 человек, но широко развернулось изучение военного рынка Мали британскими корпорациями. В 2021 г. Адамсон стала заместителем спецпредставителя ООН миссии MINUSMA, что фактически является перехватом малийской инициативы у Франции [23]. В условиях комплексного давления США и Великобритании на международные организации подобное назначение вполне укладывается в реализацию концепции «Глобальная Британия» с расширением влияния Лондона на регионы, ранее не охваченные британским присутствием.

Весной 2016 г. на франко-британском саммите министр обороны М. Фэллон объявил о продолжении стратегической поддержки французских сил в Мали транспортными перевозками C-17 на ежемесячной основе. Кроме того, летом британский филиал ТНК Thales для поддержки MINUSMA арендовал три израильских разведывательно-ударных БПЛА Hermes 900, которые после вывода европейских контингентов продолжили контролировать территорию Мали из соседнего Нигера. В конце 2016 г. несколько радикальных исламистских группировок объединились в филиал «Аль-Каиды» в Мали Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин (JNIM), в связи с чем с 2017 г. начался новый всплеск терроризма в регионе Западного Сахеля. Именно эта группировка в настоящее время действует в потенциально ре-

сурсных регионах Мали, включая газоносный и алмазный участки, и ратует за сотрудничество с Западом против русских военных специалистов. В это время дипмиссию Лондона в Мали возглавляла Э. Уолпол, специалист по выборам и политической поддержке, ранее работавшая послом в Люксембурге, а затем – в составе делегации Великобритании при НАТО – главой миротворческого подразделения МИД. По результатам своей работы в Мали она стала офицером Ордена Британской империи и была направлена заместителем спецпредставителя ООН в Ираке [24]. В 2017 г. Великобритания, снизившая количество своих инструкторов до 8 человек, вновь внесла один миллион долларов в фонд поддержки мира и безопасности в Мали [19].

В период с 2018 по 2020 г. посольство Великобритании в Мали возглавляла К. А. Эванс, специалист по формированию и поддержке оппозиционных движений, политический советник британских военных командований. К этому времени за ее плечами были операции в Афганистане, Пакистане, Ливии, Сьерра-Леоне, Ираке, Эфиопии, Сомали. Она официально «курировала расширение участия Великобритании в Сахеле» [24]. При ней развернулась подготовка военного присутствия британской армии в Мали. Для обеспечения британских интересов и оказания помощи французским операциям в Мали в июле 2018 г. был развернут 1310-й вертолетный отряд RAF, включавший в себя три транспортных вертолета Chinook HC5 и до

90 человек вспомогательного персонала, среди которых были представители разведки и сил спецназначения. Это обошлось Великобритании в 600 тысяч фунтов стерлингов и 2,3 миллиона долларов в фонд поддержки мира и безопасности в Мали [19; 22]. В это время К. Эванс сделала ставку на оппозиционного малийского лидера Сумайла Сиссе, который в марте 2020 г. был похищен «Аль-Каидой», что привело к антиправительственным митингам и государственному перевороту в стране [17]. В октябре 2020 г. Сиссе был освобожден, но через 2,5 месяца скончался во Франции. Тем не менее кризис в Мали нарастал. Сразу после похищения Сиссе К. Эванс, несколько дней возглавлявшая посольство в Нигере, получила должность директора по европейским операциям и связям с общественностью в Африке в организации Independent Diplomat, официально поддерживающей оппозиционные движения «в борьбе за демократию» в разных странах мира [14].

Усиление внимания Великобритании к Мали отразилось во влиянии на оппозицию и расширении военного присутствия, подготовленного К. Эванс. В феврале 2020 г. послом Соединённого Королевства в Мали был назначен Г. Уоррингтон, занимавший должность верховного комиссара (главы неокOLONиальной администрации) Сьерра-Леоне, широкопрофильный специалист во многих областях деятельности МИД Великобритании, в основном экономического характера [16]. В 2020 г. Великобритания выделила 14,65 миллиона

фунтов стерлингов в фонд поддержки мира и безопасности в Мали [25].

После переворота 2020 г. Великобритания приостановила свое участие в обучении малийской армии (EUTM), перейдя к более решительным мерам. В апреле 2020 г. в Гао на транспортном самолете RAF A400M Atlas для оказания поддержки информационно-коммуникационным службам (ICS) BBC и силам специального назначения прибыла группа стратегической связи Sierra Troop из 244-й эскадрильи связи воздушной поддержки (Royal Signals). К маю 2020 г. 1310-й вертолетный отряд Chinook совершил 2000 вылетов, перевез тысячу тонн груза и 12 тысяч человек.

В июле 2020 г. в британской армии началась подготовка первого контингента для боевых действий в Мали. С 2015 г. в рамках программы Army – 2020 в британской армии были сформированы особые бригады, подготовленные для действий в разных регионах планеты. За Западной Африкой была закреплена 7-я пехотная бригада, ядром которой стал Королевский английский полк (Royal Anglian Regiment) [21]. 2 – 8 декабря 2020 г. 300 британских военнослужащих из состава кавалерийского (разведывательного) полка Light Dragoons и мотопехотного Royal Anglian Regiment прибыли в Мали, где вошли в состав боевой опергруппы Takuba для выполнения миротворческой миссии MINUSMA. Прибыв на самолетах RAF A400M Atlas, британский отряд начал действовать из лагеря Camp Bagnold

(Кэмп Багнольд), построенного немецким строительным персоналом в Гао [25].

С декабря 2020 по ноябрь 2022 г. сменилось четыре состава британского контингента. Он был представлен силами 7-й бригады, в частности разведывательными подразделениями Light Dragoons, Queen's Dragoon Guards (QDG), Royal Scots Dragoon Guards, мотопехотой Royal Anglian Regiment, при поддержке минеров, инженеров, медиков и операторов БПЛА. Британский контингент формировал оперативную группу дальней разведки на бронеавтомобилях Jackal, проводившую разведку и патрулирование на глубину до 1500 км для предоставления разведанных силам международной опергруппы Takuba. Мотопехота обеспечивала охрану базы, ближнее патрулирование и являлась группой оперативного реагирования. Кроме того, в операции по-прежнему участвовали три вертолета Chinook HC5 и материально-технический персонал (90 человек). Для вспомогательной разведки британские войска применяли БПЛА Desert Hawk. Одним из новшеств стало использование австралийских многоцелевых дронов (в том числе в виде барражирующих боеприпасов) Dron-40.

Действия вооруженных сил Великобритании в Мали отличались минимальным численным участием с максимальным техническим. Особое влияние на развивающиеся страны всегда оказывали тренинговые учебные миссии, позволяющие готовить в

средней военной среде потенциальную управляемую хунту, а в низшей – «прокси-армию» для применения в интересах Соединенного Королевства. Республика Мали никогда не закупала британское оружие, находясь в зоне французского, советского или китайского влияния, но британская ТНК BAe Systems сумела продвинуть свою продукцию через южно-африканский филиал: с 2002 по 2007 г. для нужд жандармерии и национальной гвардии было поставлено 18 броневедомостей RG-31 Nyala. Кроме того, уже на протяжении нескольких лет из британской армии «окольными» путями и прямыми закупками идут подержанные внедорожники Land Rover, подготовленные для военного использования.

В январе 2021 г. на пост посла Великобритании в Мали заступил бывший посол в Алжире Б. Лоуэн, специалист по экономике, торговле и инвестициям, в основном – в мусульманском мире [15].

По состоянию на 30 сентября 2021 г. британский военный персонал в Мали составлял 346 человек, из техники имелось три вертолета.

31 января 2022 г. из-за вмешательства Франции во внутренние дела государства правительство Мали предложило французскому послу покинуть страну. 17 февраля Франция объявила о начале вывода своих войск, сославшись на «многочисленные препятствия» со стороны правительства Мали. На следующий день официальный представитель Бамако потребовал полного вывода французских войск. В

феврале премьер-министр республики Ч. К. Маиба заявил, что цель операции Takuba, в состав которой входят подразделения стран Евросоюза во главе с Францией, – раздел Мали [4]. Окончательный вывод французских сил был завершен к 16 августа 2022 г. В сентябре были переведены в Нигер или вернулись в свои страны остальные военнослужащие группы Takuba. После вывода иностранных войск в ноябре 2022 г. переходное правительство Мали утвердило закон о создании государственной горнодобывающей компании Societe de Recherche et d'Exploitation Miniere du Mali (Sorem SA), которая займется разведкой и разработкой месторождений. Одновременно был завершен крупный китайско-малийский энергетический проект Gouina. В феврале 2023 г. Мали, Гвинея и Буркина-Фасо отказались от принадлежности к французской сфере в Африке и сформировали российско-китайский вектор в политике и экономике.

Британские войска оставались в стране для поддержки миротворческих задач ООН дольше других контингентов и покинули Мали на три месяца позже французов, что указывает на особые интересы Великобритании в стране и регионе. 14 ноября 2022 г. министр обороны Джеймс Хеппи объявил об окончании операции Newcombe и о выводе британских войск. «Власти Мали не могут использовать вооруженные силы нашей страны для обеспечения безопасности, поскольку они не желают работать с нами для обеспе-

чения прочной стабильности и безопасности», – заявил глава Минобороны Великобритании [2]. Отмечается, что военное руководство Мали начало сотрудничать с российской ЧВК «Вагнер». Интересно, что в официальном заявлении JNIM исламские террористы выступили против присутствия ЧВК «Вагнер» и российских специалистов в Западной Африке и грозились вместе с европейскими правительствами усилить борьбу с помощью лучших юристов, которые будут доказывать незаконность присутствия российских военных в Мали, Нигере и Буркина-Фасо [13].

Результаты российской поддержки государства Мали благоприятно сказались на обеих сторонах. 23 февраля 2023 г. Мали стала одной из семи стран, проголосовавших против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей Россию вывести войска из Украины. Годом ранее – воздержалась. А уже 26 февраля 2023 г. замглавы МИД России М. Л. Богданов заявил, что США и ряд других западных стран не только пытаются сорвать саммит Россия – Африка, но и готовят очередной переворот в Мали и ЦАР с опорой на незаконные военные формирования [1]. Это в очередной раз показывает, что англосаксонский мир не оставит своих попыток восстановления однополярного мира и неокOLONиального доминирования.

В январе 2023 г. британское посольство в Мали возглавила К. Рэнсом, бывший верховный комиссар Ботсва-

ны, специалист по конфликтам, посредничеству и гендерным вопросам. Этим Лондон продемонстрировал новые направления британской политики в Мали: расширение спектра оппозиционных структур в разных областях «демократических свобод»; активизацию диалога с оппозицией, туарегами и экстремистами-радикалами; формирование коалиционного правительства и его легитимизацию при посредничестве Великобритании; поддержание вялотекущего конфликта; продвижение и превалирование англосаксонских экономических интересов; вытеснение России с политического и экономического рынка Сахеля.

В условиях информационной, экономической и гибридной войны Великобритании против России деятельность Лондона на всех континентах и во всех странах (включая Мали) преднамеренно способствует нагнетанию антироссийских настроений и вытеснению России с международной экономической и политической арены. Экономические интересы Великобритании и ее транснациональных корпораций вполне стандартно достигаются манипулированием общественным мнением, давлением на политическую элиту, поддержанием вооруженного конфликта. Британская армия в Мали осваивала новые государственные и этнические пространства, формировала базу влияния и подготовки «прокси-армии». Элементами военного компонента «Глобальной Британии» в Мали и других африканских странах среди прочих являлись маркерное непосред-

ственное присутствие британских во- образцов вооружения путем продажи
еннослужащих на временной или по- или утилизации в ходе «прокси-войн»
стоянной основе, избавление от старых [7; 10].

Библиографические ссылки

1. Замглавы МИД РФ Богданов: США пытаются сорвать саммит Россия – Африка [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/17141881> (дата обращения: 02.03.2023).

2. Из-за ЧВК «Вагнера»: Британия выводит миротворческий контингент с Мали [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/14/izza-chvk-vagnera-britaniya-vyvodit-mirotvorcheskiy-kontingent-s-mali.html> (дата обращения: 02.03.2023).

3. Корендясов Е., Константинова О. Мир в Мали: путь к безопасности в Сахаро-Сахельском субрегионе // Азия и Африка сегодня. 2020. № 11. С. 17 – 25.

4. Мали // Зарубежное военное обозрение. 2022. № 6. Обложка.

5. «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина ; ФГБУН ИВИ РАН. СПб. : Алетейя, 2021. 595 с.

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/560621130> (дата обращения: 02.03.2023).

7. Терентьев В. О. Британское военное присутствие в странах бывшего СССР. 1991 – 2018 гг. // Западный мир и Россия. Взаимодействие и восприятие культур в исторической ретроспективе : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 11 окт. 2018 г.). М. : ИВИ РАН, 2019. С. 104 – 108.

8. Терентьев В. О. Великобритания и СССР в мае 1945 года: союзники или враги? Военно-политические аспекты советско-британского взаимодействия // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 39 – 46.

9. Терентьев В. О. Взаимодействие советских и британских войск в Австрии весной 1945 года. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 46 – 58.

10. Терентьев В. О. Военный компонент концепции «Глобальная Британия» // Итоги правления Терезы Мэй (Доклады Института Европы РАН; № 364) : сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ананьева. М. : ИЕ РАН, 2019. С. 117 – 126.

11. Терентьев В. О. Интервенция в Ливии 2011 г.: британский компонент [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. №1 (99). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840013725-6-1> (дата обращения: 11.02.2021).

12. Терентьев В. О. Обеспечение королевскими ВВС британских интересов в Сирии (2016 – 2018 г.) // Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти (Доклады Института Европы; № 356) : сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ананьева. М. : Ин-т Европы РАН, 2018.. С. 96 – 103.

13. Террористы надеются на защиту ЕС от ЧВК Вагнера. [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/s/world/2021/12/750166> (дата обращения: 02.03.2023).

14. Cat-Evans [Электронный ресурс]. URL: <https://independentdiplomat.org/about-us/staff/cat-evans> (дата обращения: 02.03.2023).

15. Change of Her Majesty's Ambassador to Mali – Barry Lowen [Электронный ресурс]. URL: www.gov.uk/government/news/change-of-her-majestys-ambassador-to-mali-barry-lowen (дата обращения 02.03.2023).

16. Change of Her Majesty's Ambassador to Mali – February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/change-of-her-majestys-ambassador-to-mali-february-2020> (дата обращения: 02.03.2023).

17. Crise multiforme: Catherine Angela Evans, l'ambassadrice du Royaume-Uni au Mali rend visite au chef de file de l'opposition [Электронный ресурс]. URL: news.abamako.com/h/206743.html (дата обращения: 02.03.2023).

18. Joanne Adamson OBE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/people/joanne-adamson-obe> (дата обращения: 02.03.2023).

19. Le Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande du Nord apporte environ 2,3 million de dollars américains au Fonds Fiduciaire en soutien à la Paix et la Sécurité au Mali [Электронный ресурс]. URL: <https://www.africa-newsroom.com/press/le-royaumeuni-de-grandebretagne-et-dirlande-du-nord-apporte-environ-23-million-de-dollars-americains-au-fonds-fiduciaire-en-soutien-a-la-paix-et-la-securite-au-mali?lang=fr> (дата обращения: 02.03.2023).

20. Memorandum from the Foreign and Commonwealth Office [Электронный ресурс]. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/780/78008.htm#_idTextAnchor035 (дата обращения: 02.03.2023).

21. Reference Army Secretariat: Army/Sec/21/03/FOI2019/08371 от 2.8.2019. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjQ2IH3t-z-AhVJ-yoKHaF2CW0QFnoECA0QAQ&url=https%3A%2F%2Fassets.publishing.service.gov.uk%2Fgovernment%2Fuploads%2Fsystem%2Fuploads%2Fattachment_data%2Ffile%2F878634%2F20190730-FOI08372_Li_Regionally_Aligned_Bdes_Response_Letter-ArmySec.pdf&usg=AOvVaw2TKd99oVwD1XgI6cuKGIOW (дата обращения: 02.03.2023).

22. Reference Defence Resources Secretariat Ministry of Defence: FOI2018/13682 от 2.11.2018. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwibzOrJuOz-AhXloosKHUTdD4YQFnoECA4QAQ&url=https%3A%2F%2Fassets.publishing.service.gov.u>

k%2Fgovernment%2Fuploads%2Fsystem%2Fuploads%2Fattachment_data%2Ffile%2F788304%2F13682.pdf&usg=AOvVaw0p5GLEv0ygvvxCNP3JguCc (дата обращения: 02.03.2023).

23. Secretary-General Appoints Joanne Adamson of United Kingdom Deputy Special Representative for Mali [Электронный ресурс]. URL: https://press.un.org/en/2018/sga1835.doc.htm?_gl=1*krrbkd*_ga*MjcxODEzNDg1LjE2ODE5NzM5ODQ.*_ga_TK9BQL5X7Z*MTY4MTk3Mzk4My4xLjAuMTY4MTk3Mzk4My4wLjAuMA (дата обращения: 02.03.2023).

24. The Hon Alice Walpole [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/people/alice-walpole> (дата обращения: 02.03.2023).

25. 300 British troops deploy to Mali on UN Peacekeeping Mission [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/300-british-troops-deploy-to-mali-on-un-peacekeeping-mission> (дата обращения: 02.03.2023).

V. O. Terentyev

BRITISH OPERATION NEWCOMBE IN MALI (2013 – 2022)

The article presents the results of a study of the expansion of the British presence in Africa, in particular in the former French colony of Mali, over the past decade. The forms, methods and ways of implementing the new strategy of the UK's worldwide influence in the form of "Global Britain" are shown on the example of a country that has not been previously part of the zone of British interests. The evolution of British economic and military policy in the state of Mali is presented in the context of the increased attention of Russia, China, France and the Anglo-Saxon world to the resources of the Sahel region.

Keywords: Great Britain, Mali, Africa, «Global Britain», Operation Newcombe.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ЮЗЕФА КРАШЕВСКОГО И АНАТОЛИЯ БУТЕВИЧА

В статье проанализированы использованные в исторической прозе белорусских писателей поэтонимы. Описана национально-культурная информация личных имён собственных, прозвищ, фамилий. Определяется прагматическая значимость «фоновых» онимов (топонимов, геортонимов, агинимов), которые привносят в художественные произведения совокупность накопленной исторической, этнографической, географической и коннотативной информации и, следовательно, участвуют в формировании хронотопа исторической прозы.

Ключевые слова: оним, поэтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, личное имя собственное, фамилия, прозвище, топоним, агиним.

Юзеф Игнатий Крашевский – прозаик, критик, литературовед, фольклорист, этнограф, издатель, редактор, философ. Писатель изучал историю Польши и Великого княжества Литовского, был знаком с летописями, хрониками, преданиями, во время путешествий посещал места, где разворачивались события его произведений. В повести Ю. Крашевского «Мать королей» рассказывается о жизни последней жены польского короля Ягайло Софьи из рода белорусских князей Гольшанских. Действие охватывает время с 1421 г., когда Софье было 16 лет, до 1434 г., когда ее старший сын был избран польским королем. Изложение исторических событий в произведении основано на «Хронике Польши» историка Яна Длугоша (1415 –

1480). Повести «Бумаги Глинки» и «Последние минуты князя воеводы» – часть так называемого Радзивилловского цикла, посвященного жизни и деятельности магната Кароля Радзивилла по прозвищу Пана Коханку, известного своим необузданным нравом.

Современный белорусский писатель-краевед Анатолий Бутевич – человек, взволнованный судьбой родной земли и тем, как будет сохранено наследие предков. Повесть «Славные родом своим» посвящена судьбам представителей древних и знаменитых родов, живших некогда на белорусской земле. Они прославили ее и прославились сами ратными подвигами, мудрой государственной и политической деятельностью в Великом княжестве Литовском и Королевстве Поль-

ском. Многие проявили себя меценатами, поддерживали развитие науки, культуры и искусства, способствовали появлению уровня образования среди простого люда. Из их среды вышли талантливые художники, писатели, просветители.

Повести Ю. Крашевского и А. Бутевича интересны не только увлекательным сюжетом, но и правдивыми описаниями прошлого, воссозданием духа времени. Писатели прекрасно владели историческим, этнографическим материалом, живописно воссоздавали картины Вильно времен Витовта и Ягайло, описывали Троки, Краков, Несвиж, Новогрудок, Беловежскую пушу, Налибокскую пушу. Передать историко-культурный колорит Средневековья авторам помогло умелое использование ономастического материала.

Современные ономатологи плодотворно работают в русле изучения поэтонимикона произведений исторической прозы. А. Ф. Рогалев в пособии «Ономастика художественных произведений» [7] на примере исторической прозы русских классиков Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина представил классификацию типов заглавий художественных произведений, определил виды литературных антропонимов по степени их семантической активности: нейтральные, говорящие (прозрачные) имена и имена с подтекстом (имена-аллюзии). В монографии «Оним в художественном тексте» В. В. Шур [8] представил комплексное описание художественно-эстетической роли и

функций поэтонимов в произведениях Якуба Коласа, Федора Янковского, Генриха Далидовича и других писателей. В исследовании были выявлены и системно описаны семантико-стилистические особенности онимов в произведениях различных жанров, в том числе в исторической прозе, установлены закономерности функционирования онимов в аспекте коммуникативно-прагматической организации художественного текста. В монографии С. Ф. Бут-Гусаим «Жанрообразующая роль поэтонимов в художественных произведениях брестских писателей» [2] исследуется национально-культурная специфика ономастикона исторической прозы и драматургии, автобиографической прозы, авторских сказок и научно-популярной литературы современных брестских авторов; рассматриваются образные, характерологические и экспрессивно-оценочные особенности поэтонимов, их функции в произведениях брестских прозаиков и драматургов.

Актуальность представленной работы определяется важностью изучения поэтонимикона в контексте отражения в ономастическом пространстве национальной культуры. Научная новизна работы в том, что источником исследования художественного именослова являются произведения, которые ранее не изучались ономатологами.

Цель представленной работы – выявление культурно-исторической специфики ономастикона повестей Ю. Крашевского с учетом традиций национального именослова.

Ономастическое пространство произведений – срез реального славянского именника периода взаимодействия языческих и календарных имён.

В числе собственных личных имен повестей можно выделить две группы. В первую группу входят языческие имена-характеристики балто-славянских князей: **Витовт** (балт. «вести народ» [1, с. 21]), **Ягайло** (балт. «хороший ездок») [Там же, с. 38]), **Ольгерд** (лит. alg. «звать» и girg. «слышать» [Там же, с. 14]). Во вторую группу включаются канонические христианские имена, пришедшие в отечественный именослов из греческого (**Матей** (греч. «Божий дар» [Там же, с. 34]), **Петр** (греч. «камень» [Там же, с. 38]), **Екатерина** (греч. «чистая, девственная» [Там же, с. 61]), **Софья** (греч. «мудрость» [Там же, с. 68]), **Александра** (греч. «защитница людей» [Там же, с. 13])) и древнееврейского языков (**Ян** (др.-евр. «Божественная милость» [Там же, с. 51]), **Ганна** (др.-евр. «Благодать Божия, дар Божий» [Там же, с. 58]), **Альжбета** (др.-евр. «Бог мой, Богом клянусь» [Там же, с. 54]), **Изабелла** (др.-евр. «Богом отмеченная» [Там же, с. 60]), **Тадеуш** (др.-евр. «похвала» [Там же, с. 46])). Встречаются имена, заимствованные из арамейского (**Бартоломей** («сын Птоломея» [Там же, с. 30]) и старонемецкого (**Ядвига** («бой, битва» [Там же, с. 73]), **Жигимонт** («победа и защита» [Там же, с. 26]), **Людвик** («слава и битва» [Там же, с. 32]), **Кароль** («мужественный человек» [Там же,

с. 29]) языков. Имя **Збигнев** («сдерживай гнев» [1, с. 4]) – славянского происхождения.

Для стиля Ю. Крашевского характерно наполнение значимой семантикой имён реальных исторических личностей. Имя одной из главных героинь повести «Мать королей» **Софья** (от греч. «мудрость») имеет глубокий смысл. Поэтоним соответствует характеру королевы, которая, пройдя тяжелые жизненные испытания (дворцовые интриги, зависть приближенных короля и даже обвинения в измене и суд), приобрела **мудрость**, силу, умение отстаивать свою честь, что дало возможность защитить и воспитать сыновей **Казимира** и **Владислава**, ставших умными и смелыми правителями – представителями всемирно известной династии Ягеллонов: «*Она терпеливо сносила ложь, шпильки завистников, которые со всех сторон старались уколоть отважную женщину, возводилось на нее и много лжи, которая, словно бурные потоки во время ливня, прокладывала себе новое русло*» [4, с. 258].

Имена персонажей, созданных фантазией Ю. Крашевского, соответствуют формам именования воссозданного в исторической прозе периода. Так, один из героев повести «Мать королей», приближенный короля Ягайло, назван сочетанием формы христианского имени **Ян** и прозвища **Страш**. Писатель, создавая придуманные имена по образцам давнего времени, учитывает как содержательную сторону ономастического факта, так и его фор-

мальную сторону. Прозвищная часть именования нередко прозрачна, соответствует сути созданного образа. Поэтоним **Страш** относится к числу прямоговорящих. Смысловая нагрузка онима соответствует значениям существительного **страх** («чувство сильного испуга; боязнь»), прилагательного **страшный** («вызывающий чувство страха, неприятные чувства, поражающий своим трагизмом; тяжелый»), глагола **страшит** («заставлять бояться кого-, чего-н., вызывать страх у кого-н.»). Рассказ о поступках героя актуализирует семантическую нагрузку онима: «**Страш** Ян из Белачева был человеком заносчивым и обидчивым, пытался даже понравиться королеве, но не удалось» [4, с. 133]. Не заслужив покровительства королевы, Страш начал распускать клеветнические слухи о том, что Софья плохо обращается с падчерицей Ядвигой, а потом обвинил королеву в измене королю с Гинчем: «О том, что **Страш** очернял королеву перед придворными, свидетельствовал сначала Мальский, потом, по очереди, другие. Всем было известно, этого не скрывал и сам князь Витовт, что **Страш** ездил в Вильно, наговаривал ему на королеву» [Там же, с. 264]. Отбыв тюремное заключение за клевету, **Страш** участвует в заговоре против молодого короля Владислава, сына Софьи. Таким образом, говорящее имя **Страш** соответствует сути персонажа – клеветника, завистника, вызывающего у придворных отвращение и **страх**.

Формы канонических имён в исторической прозе – носители коннота-

ции социальности. Например, королевские слуги (герои повести «Мать королей») именовались уменьшительными формами имён, например, приближенные королевы Софьи **Фемка**, **Салька**, приближенные короля Ягайло **Войтак**, **Сташек**, **Збышек**, **Яська**, **Микула**. Эмоциональные формы имён – выразители коннотации оценочности, экспрессивности, эмоциональности: «*Витовт любил пообщаться с племянницей первой жены Сонкой, которую мы видели возле качелей. Князь очень любил Сонку за ее красоту и детскую наивность, может, даже больше, чем этого хотелось жене, которая ее ненавидела и мечтала выжить*» [4, с. 21].

Коннотацию церковности представляют в повести «Последние минуты князя воеводы» имена в сочетании с апеллятивом **сестра** формы именования монахинь: «*Сестра Юстина в миру была Барташевской, а сестра Мария – Фелицией Вайжбунной*» [5, с. 54].

Новый этап в жизни человека, изменение его мировоззрения может сопровождаться сменой имени. Рассказывая о судьбе красивейшей девушки королевства панны Фелиции Вайжбунны, Ю. И. Крашевский акцентирует внимание читателя на том, что принятие нового имени после пострижения в монахини означало перерождение женщины, умирающей для мирской жизни, человеческих чувств и увлечений, посвятившей свою жизнь помощи обездоленным:

– *Мне кажется, будто передо мной панна Фелиция, дочь пана войскового.*

Она покраснела, вздрогнула, услышав это имя, немного поколебалась, но тут же смело сказала:

– Да, я была ею, но теперь я служу Богу и нищим, я сестра Мария <...>. Я сама столько пострадала, что давно научилась приносить облегчение страдальцам. Вы видите меня счастливой. Бог знал, что делал, ведя меня к себе тернистой дорогой» [5, с. 50].

Фамилии-поэтонимы были разделены по семантике словообразовательной основы на три группы. В первую группу выделены антропонимы, мотивированные календарными именами предков. Например, в основе фамилии **Матевич** – личное имя **Матфей** (др.-евр. «дар Яхве (Бога)'). У католиков оно имеет форму **Матей**. Имя обросло вариантами, на основе которых возникло множество фамилий, в числе которых **Матевич** [6, с. 380]. Во вторую группу входят фамилии, мотивированные языческими именами, характеризующие предков носителей антропонимов. Фамилия **Пузына** образована от прозвища-характеристики внешности индивида «пузатый, пузан» [Там же, с. 337], фамилия **Воронецкий** – от уменьшительной формы древнего имени **Ворон**, что означает «черный, как крыло ворона» [Там же, с. 154 – 155]. В третью группу входят фамилии оттопонимического происхождения: **Гольшанский**, **Олесницкий**, **Тенчинский**.

В повести А. Бутевича «Славные родом своим» представлена информация о происхождении фамилий пред-

ставителей известных шляхетских родов. Так, фамилия **Олелькович** происходит от имени основателя рода **Александра (Олелько)** – сына киевского князя Владимира, внука великого князя литовского Ольгерда, правнука Гедимины. Автор представляет читателю легенду о происхождении фамилии **Ходкевич**: «Одна из легенд свидетельствует, что род начался от киевского боярина **Ходора (Федора)** или **Ходки (Ходьки)** Юрьевича. Однажды выехал великий князь литовский **Витовт** на охоту. И вдруг доносят, что неприятель окружил их, спастись надо. Тогда один из дружинников взял раненого государя на руки и понес его тайными тропами. Несколько верст нес по непроходимому лесу. Искренне поблагодарил **Витовт** своего спасителя, которого после этого назвали **Ходкой**. А потомки его стали **Ходкевичами**» [3, с. 10].

Выразительную культурно-историческую специфику имеет такая составляющая антропонимикона повести, как **прозвища**, – дополнительные оценочно-характеристические прозвания персонажей.

Известные исторические личности – короли, князья, воины, приближенные королей – носили характеристические прозвища. В соответствии с признаками, ставшими основой поэтонимов, мы выделили следующие тематические группы антропонимов.

В первую группу вошли прозвища, которые очерчивают особенности внешнего облика героев. Так, знаменитый польский рыцарь, герой

Грюнвальдской битвы, Завиша получил прозвище **Черный** из-за цвета волос, лица и панциря. Внешность баварского короля Людвика описывает прозвище **Бородатый**. Прозвища очерчивают отличительные черты внешнего облика королевских слуг – Семёна **Горбуна** и Ястжембчика **Чуба** (повесть «Мать королей»).

Во вторую группу выделены прозвища, фиксирующие факты жизни персонажей. Прозвание **Варнейчик** королю Владиславу было дано после того, когда тот погиб под Варной. Магистра Генриха прозвали **Чехом** за то, что в молодые годы он учился в Праге (повесть «Мать королей»). Прозвище князя Витовта **Великого** обосновывается тем, что он создал сильное государство. Юрия Радзивилла за военные заслуги называли **Литовским Геркулесом**. Семен Иванович Гольшанский был наместником Витовта в Великом Новгороде. За то, что правил он жестоко и сурово, его называли **Лютым** (повесть «Славные родом своим»). Персонаж повести «Бумаги Глинки», шляхтич Кшисский, который рассказывал, что привез Радзивиллу вино из винных погребов патриарха Ноя, получил прозвище **Наследник Ноя**.

Составляющей культурно-исторического фона прозы Ю. Крашевского является **топонимикон**, богатый как по количеству имён, так и по «географии» художественного мира произведений. В топонимической системе произведений можно выделить два основных элемента: 1) топонимы, которые называют географические объекты

Великого княжества Литовского и Королевства Польского (**Вангяровская пуща, Брест Куявский, Освенцим, Тешин, Мир, Несвиж, Малюнич, Подлясье, Белая, Налибоки, Налибокская пуща, Засыпянские леса, Слуцк, Львов**); 2) географические названия мира (**Силезия, Рим, Чехия, Варна, Венеция, Стамбул, Турция**).

В топонимиконе исторической прозы Ю. Крашевского представлены устаревшие имена собственные. **Археонимы** – устаревшие имена реалий, которые продолжают существовать в современном обществе. К **лексикофонетическим** и **фонетико-словообразовательным археонимам** относятся **Гишпания, Вильно, Бжесть**. **Историонимы** представляют собой наименования реалий, исчезнувших из жизни современного общества. В нашем материале это названия политических и географических единиц (**Великое княжество Литовское** – «белорусско-литовское феодальное государство в Восточной Европе», **Мазовия** – «историческая область Польши в среднем течении Вислы, в раннем средневековье территория расселения польского племени мазовшан»), названия организаций, объединений, союзов (**Краковская инфула**, аббатство **Святого Флориана** в Кракове, **Тевтонский орден** – духовный орден, военная организация немецкого рыцарства, которая в XIII – XIV веках осуществляла феодально-католическую агрессию в Восточной Европе).

Живописные зарисовки средневековых городов Кракова и Вильно

насыщены ойкодомонимами (*Вавель, Троцкий замок, Виленский замок*), урбанонимами (*Гродская улица, улица Святой Анны*), экклезионимами (*костел Святого Флориана, костел Святого Мартина, ставропигиальная Свято-Духовская церковь*). Историк и краевед Юзеф Крашевский создает подробные описания древних улиц и кварталов: «Возле рынка селились купцы; было здесь и несколько православных храмов. Слева **Пятницкая церковь**, справа – **церковь Святого Николая**, невидимая с улицы, её заслонило множество домов, только её маковки тянулись к небу – своеобразный знак тем верующим, которые ее посещали. Чуть ближе стоял старый запущенный **Евангелический собор**. За ратушей начиналась так называемая **Немецкая улица** – оттуда в город шли евреи, там чаще можно было встретить здешних сынов Израиля в черном и евреев-иностранцев в белых одеждах, что тянулись аж по земле. Там, за ратушей, стояли два каменных здания, которые называли **Рай** и **Ад**. Улица вела дальше, туда, где высилась ставропигиальная **Свято-Духовская церковь**» [4, с. 144].

Идеологической основой средневековых государств Королевства Польского и Великого княжества Литовского было христианство. Вера в Бога пронизывала жизнь человека, поэтому закономерно включение в ономастикон исторической прозы Ю. Крашевского поэтонимов, отража-

ющих религиозное мировоззрение личности: теонимов (*Бог, Господь*), агнионимов (*Христос, святой Станислав*), иконимов (*Замковая икона Божией Матери*), библионимов (*Библия, Евангелие*).

Маркерами хронотопа исторической прозы Ю. Крашевского являются названия исторических событий – хрононимы: **съезд с Жигимонтом** состоялся в 1423 г. в Кежмарке, после него Ягайло отозвал из Чехии Жигимонта Карибута, который там был наместником Витовта; **битва под Никополисом** произошла в 1396 г., в ней турецкий султан Баязет разбил войско Жигимонта Люксембургчика и др.

В повести А. Бутевича о знаменитых дворянских родах употреблены эргонимы (*Тевтонский орден* и др.), библионимы («*Хроника Быховца*», «*Повесть временных лет*», *Слуцкая летопись*, «*Острожская Библия*», «*Хронология*» Андрея Римши), экклезионимы (*Киево-Печерская лавра, Новоградский костел*), ойкодомонимы (*Слуцкий замок, Кревский замок, Гольшанский замок*).

Таким образом, поэтонимы исторической прозы Ю. Крашевского и А. Бутевича способствовали созданию запоминающихся образов исторических деятелей, живописному описанию жизни средневековых княжеств, характеристике мировоззрения наших предков, определяющую роль в формировании которого играла христианская вера.

Библиографические ссылки

1. Барыс С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны. Мінск : Медысонт, 2010. 124 с.
2. Бут-Гусаім С. Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у мастацкіх творах берасцейскіх пісьменнікаў. Брэст : БрДУ, 2020. 180 с.
3. Бутевич А. Славные родом своим. Минск : Мин. ф-ка цвет. печ., 2006. 95 с.
4. Крашевский Ю. И. Мать королей. Бумаги Глинки : ист. повести. Минск : Худ. лит., 2007. 431 с.
5. Крашевский Ю. И. Последние минуты князя воеводы (Пане Коханку) // Криница. 1998. № 3. С. 3 – 56.
6. Лемтюгова В. П. Корни наших фамилий = Карані нашых прозвішчаў. Минск : Звязда, 2018. 672 с.
7. Рогалев А. Ф. Ономастика художественных произведений. Гомель : Изд-во ГГУ, 2003. 194 с.
8. Шур В. В. Онім у мастацкім тэксце. Мінск : Кнігазбор, 2006. 216 с.

S. F. But-Gusaim

CULTURAL AND HISTORICAL PECULIARITIES OF THE ONOMASTIC SPACE IN THE HISTORICAL PROSE BY YUZEPH KRASHEVSKY AND ANATOLY BUTEVICH

The article gives analysis of the placenames, used in the historical prose by Belarusian writers. National and cultural information of personal proper names, nicknames and surnames is described. The article describes the pragmatic significance of «background» onyms (toponyms, geortonyms, hagionims), which introduce a set of accumulated historical, ethnographic, geographical and connotative information into works of art and therefore participate in the formation of the chronotope of historical prose.

Keywords: onym, poetonym, anthroponym, anthroponymic connotation, personal proper name, surname, nickname, toponym, hagionim.

НАСЛЕДИЕ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В РАЗВИТИИ МЕТОДОВ СТРУКТУРАЛИЗМА И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

Переход от структурализма к постструктурализму в мировой мысли был связан с проблематикой афазии и телесности, что позволило критически и извне охарактеризовать механизмы письма. Традиция Кирилла и Мефодия не делала различия между письмом, памятью и литургическим бытованием текста, что позволило Якобсону скорректировать понимание афазии Лаканом. Оспаривая формалистские моменты у Якобсона, в частности строгое разведение частного и общего восприятия в лирике и кинематографе, поздний Лотман создал оригинальную концепцию русского романа, который оказывается зеркалом, или альтернативным бытием, литургического дела Кирилла и Мефодия и их наследников. Это дело – создание корпуса текстов, которые нельзя охватить аппаратами письма и внимания, которые допускают свободу в частоте и интенсивности перечитывания, но при этом образуют режимы внимания к происходящему. С опорой на понятие В. Н. Топорова *буквенность* специфицируется русский проект постструктурализма, требующего видеть как грамматические ситуации, так и ситуации письма частью разных режимов наследования.

Ключевые слова: церковнославянский язык, канон, структурализм, постструктурализм, русский роман, Якобсон, Лотман.

При словах «Кирилл и Мефодий» память подсказывает нам «кириллица». Но, конечно, наследие Кирилла и Мефодия не сводится только к разработке глаголического и кириллического алфавитов. Если понимать под наследием подражание Кириллу и Мефодию, следование норме их жития, то это, прежде всего, создание письменности, позволяющей хранить, воспроизводить и распространять высказывания Писания и Предания, в любой момент извлекать их на свет и адресовать собеседнику. Этим дело Кирилла и Мефодия отличается от просто письменной фиксации, делового ситуатив-

ного подбора знаков для сохранения отдельных фраз. Перевод священных текстов, создание нормы письменного славянского языка открывали возможности повторять и созерцать сказанное, прилагать смысл к жизни, соизмерять речь и жизнь и создавать жизнь в согласии со всем целостным множеством церковнославянских высказываний, а не просто вспоминать отдельные высказывания, подгоняя их к отдельным жизненным случаям. Перед святыми братьями стояла задача построения языка, а не простого обеспечения письменной передачи отдельных сообщений. Все знают, что церковно-

славянский язык не предназначался для бытового употребления – такое употребление выглядело бы не столько даже профанным, сколько ненадежным (как говорят о ненадежности канала для передачи информации), односторонним, частным, в сравнении с общим фондом священных текстов.

Поэтому точным словом для наследия Кирилла и Мефодия будет придуманное В. Н. Топоровым слово «*буквенность*» [7]. Так исследователь назвал способность языка привлекать внимание не только к звуковому, но и к буквенному облику слов; независимо от того, говорим ли мы о глаголице, кириллице или латинице некоторых славянских народов. *Буквенность* переживают все языки в период становления литературной нормы, когда просодия и вообще культура речи регулируются не только привычками, но и письменным начертанием слов. Требование четкого произношения, декламации или определенной рецитации в быстрой речи, сохранения той орфоэпии, которая была на момент создания нормы письма, не дает нам пренебрегать буквой в ее письменном и звуковом обличьях. Небрежное или некультурное произношение в эпоху национальных языков будет восприниматься как срыв голоса и неряшливость мысли в стремлении следовать простой инерции устного говора.

Церковнославянский язык нельзя сопоставлять с литературными языками Нового времени хотя бы потому, что на нем невозможно говорить об обыденных вещах. Но в нем *буквен-*

ность была с самого начала, и она продолжает сохранять себя в ключевых моментах звучащей речи. Прежде всего, это сохранение определенных навыков произношения и мелодичного чтения, которое заведомо воспринимается как храмовое, соответствующее архитектуре храма. Таково требование не редуцировать гласные, которое для носителя русского языка делает церковнославянское чтение несколько иностранным – не случайно простодушные пародии на иностранцев обычно строятся на неспособности иностранцев редуцировать гласные под действием непривычного им динамического ударения. Это наглядная консервация тех орфоэпических навыков, которые уже никак не укоренены в опыте современников – например, старообрядческое различие *е* и *ѣ* в храмовом чтении.

Не случайно внимание к старообрядчеству и одновременно эллинистическим истокам церковного чтения в начале XX века оживило такой тип *буквенности*: Есенин в трактате «Ключи Марии» (1918) [1, с. 202 – 205] сопоставлял формы кириллических букв с храмовыми формами и ритуальными жестами, а Вяч. Ив. Иванов в своих книгах использовал *ѳ* для передачи греческой *θ* (вроде Промеѳей), чему своеобразно вторил Мандельштам в строке «Флейты греческой тета и йота», которая обрела много толкований [5], но самым простым из них может стать такое. Необходимо, подражая звуку, перейти и к *буквенности*, увидеть движение языка и артикуляции,

напоминающее тету, и наделить само немецкое слово «флейта» греческим звучанием, начальной пластикой, которая и восстановит все черты, все ы́ы памяти. *Буквенность* тогда – умение считать артикуляционный профиль буквы как то, что не просто запоминается, а что постоянно вспоминается, постоянно вводится в новые поучения и духовные слова, сразу вызывает в уме всю литургическую сокровищницу. Продолжение дела Кирилла и Мефодия можно тогда увидеть в этой спасительной *буквенности* в музыкальном инструменте, в условностях поэтической просодии, за условностями прозревая безусловное. Другой пример *буквенности* – написание О. А. Шор, секретаря и ученицы Вяч. Ив. Иванова, слова «ангел» как «авгел» [8, с. 190], с греческим ν – чтобы было понятно, что речь идет об ангеле света, а не ангеле мрака. Церковнославянский язык использовал здесь титлование, чтобы отличить святого ангела от падшего, греческая орфография требует γ перед γ в этом слове, но русская *буквенность* должна быть усилена греческой орфографией, чтобы мы на слух отличили настоящего ангела от ложного.

Метод Кирилла и Мефодия – это миссионерское наделение слов той осмысленной тяжестью значений, которые невозможно было предположить, слушая сами слова. То есть слово «дух», которое означает «дыхание», должно сразу нести в себе библейские и святоотеческие смыслы духа, даже изобиловать ими. Это противоположность афазии, при которой ты не мо-

жешь вспомнить название предмета и называешь какой-то случайный предмет с признаком. Напротив, ты теперь должен называть неслучайные предметы. Проблема афазии и ее отношения с *буквенностью* и стала той, которая связала структурализм и постструктурализм. Глава французской школы психоанализа Жак Лакан, развивая учение Фрейда об ассоциативном действии бессознательного, описываемом метафорами и метонимиями, предположил существование «инстанции буквы» [3], то есть буквального понимания в широком смысле. Известно, сколь часто слишком буквальное понимание шутки приводит к расстройству и ссоре на многие годы; равно как и невозможность буквально высказать свое желание приводит к замешательству и расстройству отношений с собой и с другими. Лакан предположил, что есть некоторая «буква», то есть буквальность считывания своих симптомов, с которой сам человек не может справиться, но только аналитик может разобраться с тем, что стоит за симптомами, или «синтомами» – Лакан даже буквально записал звучание французского слова. Получается, что буква оказывается во власти аналитика, тогда как от обычного человека буква всегда ускользает.

Роман Якобсон, находившийся в постоянном диалоге с Лаканом, напротив, исходил из того, что буква не то чтобы стоит на месте, она противится ускользанию звука. Он прямо писал: «Если мы слушаем убегающие звуки, то, читая, мы обычно видим перед со-

бой неподвижные буквы, и время письменного потока слов для нас обратимо: мы можем читать и перечитывать, мало того, мы можем забегать вперед. Субъективная антиципация слушателя превращается в объективируемое предвосхищение читателя: он может досрочно заглянуть в конец письма или романа» [10, с. 233]. Тем самым буква дает неотменимую свободу, в том числе возможность заглянуть в конец и сделать вывод; понять, чем всё закончится. Здесь Якобсон выступает как продолжатель дела Кирилла и Мефодия, в котором создание письменности – это возможность прочесть всё Писание и соотнести свою жизнь со священной историей, включая Откровение Иоанна Богослова. Якобсон говорит о перечитывании так, как будто речь идет и о романах, и о молитвенных текстах, которые средний прихожанин может слушать внимательно или, отвлекаясь, повторять редко или часто.

Такая славянская *буквенность*, вероятно, находится в сложных отношениях со славянской космологией и с наложением житийных сюжетов на прежние мифологические представления. Так, исследователи славянских древностей пришли к выводу, что основной славянский миф [2] – миф о громе-змееборце, который одновременно оплодотворяет землю ради мистических свадеб и судеб всех будущих поколений и непременно убивает ее главное хтоническое порождение. Тем самым оказывается, что звук грома свободно организует любые сюже-

ты на земле, в конце концов сводящиеся к сюжету возвращения скота, при том, что канонически совершается вполне определенное одновременно мироустроительное и эсхатологическое действие.

Если Лакан понимает афазию как невозможность выстроить значение, то по Якобсону афазия как раз слишком быстро выстраивает такое мифологизирующее значение, состоящее иногда из головокружительных метонимий, где гром может оказаться коровой или грибом. Якобсон прямо говорит, например, о звуке [а] в магических славянских заклинаниях [10, с. 100], заклиняющих русалок, согласно цитированию И. Сахарова и А. Блока в статье «Поэзия заговоров и заклинаний»: первая буква алфавита оказывается и началом магического действия, потому что она не просто пронизывает всё заклинание, а повторяется, окликает себя, может выглядеть то длящейся, то краткой, то большой, то малой. Фонетические впечатления здесь смешиваются с графическими представлениями, которые поневоле возникают у любого грамотного человека. Система Лакана не подразумевает такой инстанции отдельной буквы, вроде начальной буквы А, но только ситуативной буквы вообще или же условного знака «а» как обозначающего начальную интуицию объектности («объект маленькое а»), то есть саму интуицию, что можно выразить на письме или даже во взгляде на себя и тем самым преодолеть травматический опыт. Это магическое А тоже

интуитивно; например, в системе Велимира Хлебникова русалок закликает ($\sqrt{-1}$):

И, корень взяв из нет себя,
Заметил зорко в нем русалку.
Того, что ни, чего нема,
Он находил двуличный корень,
Чтоб увидеть в стране ума
Русалку у кокорин.

(«Ладомир»)

Афазия по Jakobsonу – это как раз творческое нахождение метонимии, например, когда смерть называют «столом», имея в виду стол, на котором стоит гроб, – и тогда «русалка» оказывается универсальной метонимией мертвого, позволяющей преодолеть афазию через постоянное поэтическое заклятие самой этой ситуации, через создание той поэтической памяти, в которой все живы, такого канонического поминания в соответствии с делом Кирилла и Мефодия. Jakobson [10, с. 100] прямо признавал, что он познакомил Хлебникова со статьей Блока и «учебником Сахарова», откуда и пришли русалки в поэме «Ночь в Галиции». Но заметим, что *буквенность* Хлебникова подразумевает как раз, что магическое становится полностью видимо, может быть целиком охвачено взглядом любого, в отличие от индивидуальной судьбы письма в системе Лакана. Jakobson уже в ранней монографии о Хлебникове развил целую теорию такого акустического представления, звукобуквы, которая при повторении создает устойчивую *буквенность* согласных, тогда как *буквен-*

ность гласных и есть порожденный при этом жизненный смысл: «Эвфония оперирует не звуками, а фонемами, т. е. акустическими представлениями, способными ассоциироваться со смысловыми представлениями.

Форма слова воспринимается нами, лишь будучи повторной в данной языковой системе. Одинокая форма умирает; так и звукосочетание в данном стихотворении (своего рода языковой системе *in statu nascendi*) становится «звукообразным» (термин Брика) и воспринимается лишь в результате повторности.

В современной поэзии, где на согласных сосредоточивается исключительное внимание, звуковые повторы, особенно типа АВ, АВС и т. п., освещаются часто поэтической этимологией, так что представление об основном значении связывается с повторяющимися комплексами согласных, а различествующие гласные становятся как бы флексией основы, внося формальное значение либо словообразования, либо словоизменения» [9, с. 41].

Подобную ситуацию словообразования через опорные гласные (вроде «бок – бык» у Хлебникова) можно сопоставить с понятием о каноне как повторении, не исключаящем при этом литургическую событийность как действие благодати. Конечно, там, где в литургической поэзии будет благодать и встреча со спасением, там в лирике будет заклятие и встреча с собой.

Jakobson пытается эту особенность письма воспроизводиться и при этом создавать уникальную заданность

встречи с необычным объяснить в том числе указаниями на кинематограф как на медитативное и одновременно всенародное искусство. Он ссылается на кинорежиссера Л. Кулешова, утверждавшего, что кадр подобен букве, и Б. Эйхенбаума, который находил в кино синтаксис, причем более свободный, чем в тексте. Якобсон видит возвращение в кино к учению о знаках блаженного Августина, согласно которому любая сотворенная вещь может выступать как знак [10, с. 171], и кино для него как раз распоряжается такими знаками. Но в других своих работах Якобсон показывал, что в поэзии такое свободное распоряжение шире, поэзия распоряжается не самими знаками и вещами, как это получается у Лакана, но инвентаризациями: «Новалис и Малларме считали алфавит величайшим произведением поэзии, русские поэты восхищались поэтическими качествами списка вин (Вяземский), инвентарного списка царских одежд (Гоголь), расписания (Пастернак) и даже счета из прачечной (Крученых)» [Там же, с. 108]. Это и есть дело Кирилла и Мефодия, такой перевод Писания и литургических текстов, когда они оказываются универсальной инвентаризацией для всех возможных состояний и событий, а не ситуативно прилагаются к отдельным событиям.

Буквенность, восходящая к делу Кирилла и Мефодия, может возникать как раз в неожиданных стилизациях, где поэт стремится реализовать свободу повторения, повторять какое-то неназванное имя много раз. При этом в

самом художественном тексте это имя не называется, оно может быть названо в литургическом тексте, однако художественная литература не имеет права на непосредственное литургическое обращение. Но именно такая свобода окликания, свобода писать неназванное имя, совершенно статичное, большими или малыми буквами, славянскими, латинскими, греческими или арабскими, тем или иным способом письма, и оказывается ядром такой *буквенности*. Приведем как пример восточную стилизацию Михаила Кузмина, еще одного знатока старообрядческих рукописей и литургических книг и при этом почитателя эллинистической поэтики:

Ведет по небу золотая вязь имя
любимое.

Шепчу я, ночью долгою томясь,
имя любимое.

На площадь выйдя, громко я
скажу, все пускай слушают,

Любви глашатай, крикну, не
стыдись, имя любимое.

Пускай в темницу буду заточен,
славить мне песнями

Не может запретить жестокий
князь имя любимое.

Две буквы я посею на гряде
желтой настурцией,

Чтоб все смотрели, набожно дивясь,
имя любимое.

Пусть рук и языка меня лишат –
томными вздохами

Скажу, как наша неразрывна
связь, имя любимое!

Руки могут изображать буквы
жестами, а язык – произносить звуки.

Для Лакана лишение рук и языка было бы афазией, когда «тело без органов» (термин Ж. Делёза и Ф. Гваттари), тело чистого становления, тело как зародыш нового бытия только и может выразить мысль. Аналитик, выявляющий возможности становления другим человеком, в случае влюбленности, которая сопровождается нехваткой слов, позволяет самой культуре преодолеть афазию и пережить становление нового языкового стиля. У Якобсона, заметим, таким становлением может быть инвентаризация инвентаризации, которая ушла бы в бесконечность, не будь она ограничена шифтерами. Для Кузмина томные вздохи могут непосредственно создать такую свободу неповторимого повторения, наподобие той самой звукобуквы «А» по Блоку и Якобсону, в которой как раз тело преодолевает запреты и оказывается возможна своеобразная проповедь и молитва. При всей галантности стилизации Кузмина и далекости от всякой аскезы, в ней как раз продолжается дело Кирилла и Мефодия, когда письмо содержит в себе не только сведения, но и способы передачи: от уединенной ночной молитвы до проповеди, доходящей до краев Вселенной. Заметим, что в арабском языке есть два корневых гласных, как раз специфицирующих имя; в глаголе могут быть те же корневые согласные, но другие гласные, – отсюда две настурции. Это как раз прекрасно продолжила О. Седакова в своей арабской вариации:

Небо связанное горит,
как арабский алфавит.

Спи, дорога далека.
Гласный гласному кивает (...)
(«Сказочка»)

Якобсон настаивал на том, что Хлебников вернул пушкинское звучание гласным: «Литературный старовер Андреевский возмущался неорганизованным вокализмом в стихах предтечи модернистов Случевского. Уже по мнению Алексея Толстого, безударные гласные никакого значения не имеют: «Одни согласные считаются и составляют рифму». Для современного поэта такие пушкинские рифмы, как: меня-моя, себя-я, любви-мои, она-сошла и т. п., совершенно немислимы» [9, с. 46].

Эту идею пушкинизма Хлебникова попытался оспорить великий лингвист Н. С. Трубецкой в личном письме Якобсону по поводу его монографии: «В Вашей книге Вы как будто пытаетесь охарактеризовать творчество Хлебникова. Но если по прочтении Вашей книги поставить себе вопрос, чем отличаются футуристы от Пушкина, то окажется, что отличие только «в степени», а не в принципе. Между тем это неверно и не дает правильного представления об индивидуальных особенностях футуризма. Если бы Пушкин прочел Хлебникова, он просто не считал бы его поэтом. И произошло бы это, конечно, не потому, что футуристы применяют известные приемы не в той пропорции, к которой привык Пушкин, а в силу радикально-

го различия в эстетических подходах. Сущность футуристического подхода я формулировал бы так: 1) пристрастие к обнажению (хорошее слово!) формы; 2) преобладание рефлексии над непосредственностью; 3) принципиальное нежелание довольствоваться обыденным языком и реальным изображением действительности; 4) принципиальное отвержение того, что в данное время признается красивым данной социальной средой. Все эти особенности (М. А. Петровский в одном разговоре назвал это «природоборчеством») настолько были чужды и противоположны эстетическому подходу Пушкина, что он именно поэтому не нашел бы у какого-нибудь Хлебникова даже «состава» поэзии» [11, р. 17].

В четырех отмеченных цифрами пунктах Трубецкой перечисляет последовательно: уровень буквы, слова, фразы, текста. Обнажение формы явно включает в себя и умение слышать, как она звучит, как звук и буква обретают свои смыслы, несмотря на встроенность в определенные правила организации речи. Труд Якобсона нашел продолжение в «Похвале поэзии» Седаковой: книга как раз начинается с той цитаты из Третьяковского, на которой заканчивается книга Якобсона. В этом трактате в том числе рассматривается пушкинское «а» в строке «И строк печальных не смываю» как заклинание собственного «я», собственной загадочности, и неожиданно к Пушкину применяется математическая терминология, которую мы бы скорее ожидали в применении к Хлебникову: «Заим-

ствуя, Пушкин возводит «чужой» материал с уровня арифметики на уровень алгебры, от единичной операции с цифрами – к алгебраической формуле; он делает прозрачнее повод для самого вдохновения, которое возникает благодаря ему и вопреки ему, как живописная глубина – благодаря завесе и переднему плану и вопреки им. Глубокое вдохновение, как и глубокая жизнь, глубокий сон, имеет дело уже с тем, в чем нет образов, нет идей, нет... ничего нет по отдельности. Все целое. А та самая кулиса, купол, повод, из-за которых мы видим и узнаем такое всеотсутствие, уточняет: все исцеленное» [6, с. 82].

Разработка сюжетов из наследия мировых поэтов (Шекспира, Гёте и других) приравнивается к созданию особой формулы, уже не просто заклинающей, но исцеляющей, совершающей дело целого, и в приведенной цитате церковнославянизмы, настоящие (как «целое») или искусственно созданные (как «всеотсутствие»), помогают выразить эту мысль. Но тогда возникает вопрос: что именно здесь целое – некоторая пушкинская установка, или специфика пушкинского стиля, или что-то еще?

И здесь неожиданно приходит на помощь итоговая монография Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв». В ней Лотман противопоставляет «я» как местоимение, шифтер, если мы воспользуемся термином Якобсона, и «Я» как имя, как Я с большой буквы в русском языке, то есть уникальное Я, которое и открывает писатель [4, с. 228].

Лотман здесь даже готов согласиться и с натурализмом фонвизинского Митрофанушки, который считает дверь прилагательным, не различая вещественное и отвлеченное, – Митрофанушка оказывается в изображении Лотмана как бы афатиком по Лакану, человеком, не способным найти инстанцию буквы, найти то свое «Я», которое можно абстрагировать как позицию и тем самым обрести позицию в отношении грамматики, физики и других наук. Тогда как афазия по Якобсону – это как раз умение увидеть некоторую замену, в том числе местоимениям [10, с. 64], когда человек не может сказать, что это моя смерть или его смерть, то он говорит «русалка». Для Лотмана, который ни на Лакана, ни на Якобсона здесь не ссылается (что можно объяснить черновым характером итоговой монографии), Руссо был таким идеальным афатиком по Якобсону, для которого «Я» и оказалось способом «сузить грамматический код» [Там же, с. 63]: «Мы уже отметили, что для Руссо в «Исповеди» носителем истины является именно такое «Я», от которого нельзя образовать множественного числа» [4, с. 229].

В отличие от тех выводов, которые делают о Руссо наследники Лакана, начиная с Ж. Деррида и заканчивая авторами «Европейского словаря философий: лексикона непереводаемости» под редакцией Б. Кассен, для которых отсутствие у Руссо шифтеров означало предпочтение письма языку с его многоязычием и фрейдовским ост-

роумием-каламбурами, тогда как любая философская рефлексия над ситуацией письма должна вводить и каламбуры, и многоязычие, Лотман видит в Руссо создателя систематической культуры романа, в которой читатель не отождествляется с героем, но не может себя растождествить с самим собой. Продолжающий отдельные интуиции Руссо русский роман как письмо, создающее личную эсхатологию, тогда оказывается инобытием дела Кирилла и Мефодия, зеркалом русской культуры, в которой письмо хранит равно память и свободу. При всей эскизности монографического завещания Лотмана в нем сказано главное: дело Кирилла и Мефодия объясняет не только то, как в русском романе человек может оказаться непредсказуемым, ушедшим от тех образов и идей (из приведенной цитаты Седаковой), в которые мы его вписывали, но и то, как письмо, изображающее катастрофы этого человека, может оказаться неожиданно цельным, показывающим, что об этом мире есть что сказать.

Итак, дело Кирилла и Мефодия – это особое отношение к письму: не как к фиксации отдельных данных, но как к литургическому универсуму, в котором возможно как переживание эсхатологического напряжения, так и рассмотрение заданности отдельного поступка как уже включенного в эту «алгебру» формулировок Писания и Предания. Структурализм, осмысляя искусства заведомо не-литургические, от лирической поэзии до кинематографа, смог показать определенные формы

буквенности, той устойчивости универсума, которая и позволяет объяснить отдельные вдохновенные образы как производные от этой системы единой творческой памяти Писания и Предания. *Буквенность* позволяла увидеть сакральные или магические образы как способные преодолеть «афазию», что отличалось от французской постструктуралистской трактовки афазии как требующей особых инструментов анализа, размыкающих структуры письма. В конце концов, в русской традиции создается альтернатива постструктурализма, позволяющая сохранить *буквенность*, но при этом обойтись без учения Якобсона о

шифтерах, так как в нем шифтеры могут быть сведены к языковым явлениям и авангардным приемам, останавливающим бесконечную инвентаризацию инвентаризации. Для того чтобы охарактеризовать классическую русскую литературу, вводится особое представление о цельности русского романа с его «далью свободного романа». Этот роман оказывается зеркалом цельности церковнославянских текстов как подразумевающих свободу чтения и сосредоточения – можно перечитывать их часто или редко – при всей неоспоримости их содержания как направленных на реальность целого мира.

Библиографические ссылки

1. Есенин С. А. Ключи Марии // Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Проза. М. : Наука ; Голос, 1997. С. 186 – 213.
2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей : Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М. : Наука, 1974. 342 с.
3. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А. К. Черноглазова // Консультативная психология и психотерапия. 1996. Т. 4, № 1. С. 25 – 58.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Прогресс ; Гнозис, 1992. 272 с.
5. Порфирьева А. Л. «Флейты греческой тета и йота...» // Временник Зубовского института. 2023. № 1 (40). С. 54 – 64.
6. Седакова О. А. Похвала поэзии. СПб. : Акад. исслед. культуры, 2015. 148 с.
7. Топоров В. Н. Буквенность и смысл // Человек – искусство – общество (закон целого) : сб. к юбилею проф. Ю. Б. Борева. М : Наука, 2005. С. 17 – 33.
8. Шор О. А. Мнемология / сост., предисл., подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко. СПб. : Пушк. Дом, 2023. 240 с.
9. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. Очерк первый : Подступы к Хлебникову. Прага : Политика, 1921. 68 с.

10. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина ; сост., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе ; ред. пер. Ф. Успенский. М. : Гнозис, 1996. 248 с.

11. Trubetzkoy N. S. Letters and Notes / Prepared for Publication by Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1975.

A. V. Markov

THE LEGACY OF CYRIL AND METHODIUS IN THE DEVELOPMENT OF STRUCTURALISM AND POSTSTRUCTURALISM METHODS

The transition from structuralism to poststructuralism in world thought was connected with the problematics of aphasia and corporeality, which enabled the mechanisms of writing to be critically and externally described. The Cyril and Methodius tradition made no distinction between writing, memory, and the liturgical existence of the text, which allowed Roman Jakobson to correct Lacan's understanding of aphasia. Challenging Jakobson's formalist points, in particular the rigorous separation of private and common perception in lyricism and cinematography, the late Lotman developed an original concept of the Russian novel, which turns out to be a mirror or an otherworldly existence of the liturgical work of Cyril and Methodius and their successors. This work is the production of a corpus of texts which cannot be encompassed by the apparatuses of writing and attention, which permit freedom in the frequency and intensity of rereading, but which also generate modes of attention to what is going on. With the help of Toporov's notion of *literalism* the Russian project of poststructuralism is qualified as demanding to see both grammatical situations and situations of writing as part of such modes.

Keywords: Church Slavonic, canon, structuralism, poststructuralism, Russian novel, Roman Jakobson, Lotman.

УДК 81-2

М. В. Пименова, В. А. Полякова

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И КОДИФИКАЦИИ ВНЕАЛФАВИТНЫХ СРЕДСТВ ЧЛЕНЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена истории возникновения и кодификации внеалфавитных средств членения письменного текста, отражающей, как полагают авторы, смену концептуальных форм ментальности и развивающейся «по спирали»: от основанных на синкретичном восприятии мира пиктограмм и слитного представления сакрального текста через логическую систему кодифицированной

пунктуации к возникновению синкретизма на новом уровне развития языка, который проявляется в использовании современных идеографических знаков.

Ключевые слова: история письма, членение письменного текста, внеалфавитные знаки, концептуальные формы ментальности, пунктуация, эмодиконы.

Как известно, древнейшей формой письменной коммуникации является пиктография – «...отображение содержания сообщения в виде рисунка или последовательности рисунков» [10, с. 374]. В отличие от средств фонетического письма пиктограмма может быть интерпретирована на любом языке, поскольку за ней не закреплена конкретная единица языка и она «...может быть “прочтена” как слово, синоним этого слова, словосочетание, предложение с различными вариациями смысла, несколько предложений» [Там же]. Пиктография, возникшая в эпоху палеолита/неолита и существовавшая вплоть до XX в., отражает особенности архаичного мировосприятия, которое изучалось культурологами, этнографами, психологами, историками, философами, филологами под различными номинациями/определениями. Например: «мифическое мышление» (А. А. Потебня, 1899), «смещение» метафизического (мыслимого) и реального миров (Л. П. Карсавин, 1915), синтетическое «дологическое мышление» (Л. Леви-Брюль, 1930), первобытное анимистическое мирозерцание, отразившее «...синкретическое представление природы» (А. Н. Веселовский, 1940), этикетность (Д. С. Лихачев, 1979), синкретизм восприятия мира (В. В. Колесов, 1989) и т. д. Используя

разные формулировки, все исследователи по сути дела говорят о нерасчлененности образных ощущений и логического мышления. На языковом уровне это проявляется в *семантическом синкретизме* (от греч. συνκρητισμός – «соединение, объединение, связывание»), отражающем древнюю форму ментальности (подробнее см. [19, с. 33 – 71]).

По мнению В. В. Колесова, «историческая последовательность в преобразовании национального менталитета представлена несколькими этапами и может быть описана как *ментализация – идеация – идентификация*» [9, с. 240].

Древнейший период – ментализации (древнерусский период, X – XV вв.) – «...основан на оперировании целостными чувственными образами предметов внешнего мира» [15, с. 104 – 112]. В качестве целостного образа воспринимался, прежде всего, текст Священного Писания, который древнерусские книжники многократно переписывали и, вероятно, знали наизусть. *Устав*, которым писались древние славянские рукописи X – XIV вв., отличался отсутствием графического разграничения между словами внутри фразы и отдельными фразами [13, с. 68], что связано в том числе с синкретичным восприятием сакраль-

ного текста, а не только с «экономией» места из-за дороговизны материала для письма (*пергамена*) [22, с. 139].

Начало членения текста выражено в его пословном разделении и возникновении внеалфавитных графических средств письма – **пунктуации** (лат. *punctum* – «точка») [7, с. 406]. Исконные русские *знаки препинания* (рус. «препятствие» – знак остановки, церковнослав. – *прѣпинати* – «препятствовать, задерживать, сдерживать») восходят к точке [5, с. 27] – знаку «отдохновения». Л. В. Черепнин указывает, что точки «...ставились, по-видимому, там, где бывала остановка речи при чтении; но в ряде случаев употреблялись и произвольно, иногда чуть ли не после каждого слова» [22, с. 159]. Можно предположить, что первоначально *точка* как знак препинания выполняла графическую функцию межсловного разграничения (в которой сейчас употребляются интервалы между словами).

В последующий период *идеации* (XIV – XVII вв.) «письмо всё более и более применяется в практических целях, приобретает деловой характер. В связи с этим получают распространение и преобладают новые типы письма – *полуустав* (примерно с XIV в.), а затем – *скоропись* (с XV в.) <...> В качестве материала для рукописных текстов бумага постепенно вытесняет пергамен» [Там же, с. 190]. В рукописях, написанных *полууставом*, наблюдается дальнейшее расчленение синкретизма текста при помощи целого

ряда специальных знаков, однако их применение являлось несистемным и спорадическим.

Начало систематизации и кодификации внеалфавитных средств членения письменного текста было положено возникновением славянского книгопечатания в XV – XVI вв. Как известно, в 1491 г. Швайпольт Фиоль в Кракове издал на церковнославянском языке «Часословец» и «Октоих». В 1517 г. Франциск Скорина в Праге опубликовал кириллическим шрифтом «Псалтырь». В 50-е гг. XVI в. типография возникла в Москве, а в 1564 г. появилась первая точно датированная русская печатная книга – «Апостол», изданная Иваном Фёдоровым и Петром Мстиславцем [18, с. 188]. Если в старопечатных изданиях XV – XVI вв. пунктуация чаще всего следует за рукописными источниками, то в изданиях XVII в. наблюдается значительный количественный и качественный рост её средств [3, с. 7].

Грамматические труды XVI – XVII вв., опираясь на греческую пунктуацию, создали базу для научного осмысления русских знаков препинания, традиции использования которых были созданы узусом. С. И. Абакумов отмечает, что первая попытка упорядочения постановки знаков препинания на смысловой основе была предпринята Максимом Греком (1470 – 1555/56). Этот книжник в своих рукописных трудах основными знаками русской письменности называет *иподиастоли* (запятую), *точку*, употребляющуюся в конце высказывания, и *ипо-*

диастоли с точкой, которым он рекомендует обозначать вопрос [1, с. 8].

Лаврентий Зизаний в свой труд «Грамматика Словенская Сверхшестенна искушества о семи частях слова, и иныи н'т'дныи», напечатанный в 1596 г. в г. Вильне, включил особый раздел «±~Точка^{xb}», характеризующий особенности каждого внеалфавитного средства членения текста [4, с. 42 – 43]. «Точками» Лаврентий Зизаний называет все знаки препинания, к которым он относит следующие шесть: «Котликъ еспъ | | | | | | ; шестъ, Запятая#, , (запятая) Срока, . (малая точка) Двосточие, : (точка с запятой) По^столи. ; (знак вопроса) Съединителна#, - (знак переноса) и Точка, /. (точка)» [Там же, с. 42]. Лаврентий Зизаний пишет, что задачи «точек» (знаков препинания) – «разделять», «соединять» и «совершать»: «На колико раздѣл#ютъ #пѣчки; На при. На въ еже раздѣл#тпи. Въ еже съедин#тпи. И~ въ еже съвершатпи» [Там же].

В «Грамматіки Славенскии праѡвилное Состагма» Мелетия Смотрицкого (1619) содержится специальный раздел «±~препинаниихъ строчныхъ», посвященный вопросам пунктуации [Там же, с. 152 – 153]. М. Смотрицкий различает десять «строчных препина-

ний»: «Препинаниѣ строчна с'~ть двосточъ: черта // : запятая , ; двосточъ ; : точка . : раздѣлительна ~ : еднителна √ « : вопросна ; : оудителна ! : вмпна [] : ложна ()» [Там же, с. 152]. С. И. Абакумов сравнивает труды М. Смотрицкого и Л. Зизания и отмечает: «Из десяти приведенных названий *разъятная* и *единитная* не являются знаками препинания в грамматическом смысле и приводятся в целях обеспечения ясности при чтении отдельных слов. Некоторые знаки в грамматике М. Смотрицкого называются иначе, чем у Л. Зизания: вместо *двосточия* – *двосточие*, вместо *подстолии* – *вопросная*, вместо *съединительной* – *единитная*. Особенностью пунктуации М. Смотрицкого была данная им своеобразная характеристика установленных знаков, опирающаяся в значительной степени на произношение: черта у него не предполагает паузы; при запятой пауза обязательна («^дохомъ въ мавлгл=емое востогаюта и препинаюта»); при двоеточии пауза тоже обязательна, но двоеточие ставится там, где мысль могла бы закончиться, однако, двоеточие показывает, что она продолжается, но только после паузы. М. Смотрицкий пытался, таким образом наметить степень важности этих трёх знаков препинания при расчленении высказывания на составные его части. Но опирался он при этом, глав-

ным образом, на ритмомелодическую структуру текста. Может быть, именно поэтому характеристика знаков у М. Смотрицкого имела такой слабый резонанс в дальнейшем развитии пунктуации» [1, с. 12 – 13].

Пройдя через многочисленные изменения начертаний и названий, в XVIII в. средства пунктуации постепенно кодифицируются, чему способствуют грамматические изыскания той эпохи. Следует отметить, что XVIII в. открывает период *идентификации* (В. В. Колесов), отличающийся от предыдущих (*ментализации* и *идеации*) формированием *понятий* на логических, а не образных основаниях [9, с. 242], в том числе и *понятий о системе норм*.

В 1740 г. В. Е. Адодуров составил первую русскую грамматику на родном языке, содержащую системную градацию «...различных знаков препинания в зависимости от полноты смысла, выражаемого соответствующим сегментом, – см., противопоставление запятой, точки с запятой, двоеточия и точки по данному критерию в § 117» [21, с. 220]: «§ 117. Запятая употребляется для раздѣленія имѣ^н, глаголовъ, наречій, и таки^х частей въ стихѣ, которыя ме^жду собою по нуждѣ не соединяются. Точка показываетъ полногo стиха совершенный смыслъ въ себѣ содержащаго. Двѣ точки, или двоеточіе и^зъявляе^т часто средину стиха гдѣ смыслъ не такъ сове^ршенно оканчивае^тся, какъ въ цѣло^м стихѣ. Запятая съ точкою, значи^т смыслъ бо^лше совершенный нежели одна запятая, а не такъ полной, какой и^зъявляется чре^з двоеточіе» [Там же, с. 126].

По мнению Б. А. Успенского, с «Грамматикой» В. Е. Адодурова был знаком В. К. Тредиаковский, который в 1748 г. издал труд «Разговоръ между Чужестраннымъ чело^вкомъ и Рос^сійскимъ об ортографіи старинной і новой і о все^м что принадлеж^т къ сей матеріи» [21, с. 126]. С. И. Абакумов отмечает: «На первое место <...> Тредиаковский выдвигает смысловую роль пунктуации (определѣнное понимание текста). Вместе с тем он особенно заинтересован конкретными случаями употребления знака, причѣм эти конкретные случаи употребления знаков должны опираться, по его мнению, на синтаксический строй речи <...>: “препинание есть слов, членов, и целые речи разделение, определѣнными знаками изображаемое, а в чтении к понятию содержания и к отдохновению служащее, также и порядок сочинения указывающее”» [1, с. 14].

Спустя семь лет после публикации труда В. К. Тредиаковского была опубликована фундаментальная «Российская грамматика» М. В. Ломоносова. В главе пятой «О правописании» наставления второго содержится восемь параграфов, посвященных русской пунктуационной системе (§§ 126 – 133). М. В. Ломоносов определяет основной принцип русской пунктуации как семантико-структурный: «Строчные знаки ставятся по силѣ разума и по его расположенію и союзамъ» (§ 126). Он также дает перечень «строчных знаков» (знаков препинания) и формулирует общие правила их употребления: «Запятая употребляется

между реченіями одинакими, или и съ приложеніями и глаголами, къ одному принадлежащими: *умъ, разсужденіе, смыслъ есть въ старыхъ людяхъ*. <...> Точка съ запятою различаетъ члены періодовъ. *Хотя природное знаніе языка много можетъ; однако грамматика показываетъ путь доброй натуръ*. <...> Двѣ точки примѣры, причины и рѣчи вносныя напередѣ показываютъ. *На всѣхъ вопросы не отвѣтствую: всякой глупецъ больше можетъ спрашивать, нежели премудрой и смыленной отвѣтствовать*. <...> Точка заключаетъ цѣлой періодъ, и ей обыкновенно слѣдуетъ прописная буква, которою также имена почтенныя и собственныя начинаются. Вопросительной знакъ по вопрошеніи, удивительной по удивленіи поставляются: *доколь унывать? о странное дѣло!* <...> Вмѣстительной слово или цѣлой разумъ въ рѣчь вмѣщаетъ, безъ союза и порядочнаго сочиненія: *Меня (кто бы подумалъ?) отъ тебя отлучаютъ*» [14, с. 60 – 61].

Исследователи подчеркивают, что М. В. Ломоносов «...очень отчетливо и выразительно обобщил все существенное, что было уже бесспорным в его время, но не дал нового толчка в разработке вопросов пунктуации» [1, с. 16]. С. И. Абакумов объясняет это недостаточной развернутостью в «Российской грамматике» синтаксической системы, без опоры на которую невозможно представить пунктуацию «...хотя бы в тех пределах, в каких это было сделано опиравшимся на фран-

цузскую грамматическую науку Тредиаковским. Поэтому дальнейшее развитие пунктуационных норм пошло по тому пути, который намечался Тредиаковским, а не Ломоносовым» [1, с. 16].

В XIX в. русская пунктуация как база членения письменного текста получила научную основу в целом ряде работ. Это, например, «Российская грамматика, сочинённая Российской Академией» (1802), грамматики Ф. И. Буслаева (1859), В. И. Классовского (1869), «Краткие правила российской грамматики» А. А. Барсова (1871), «Русское правописание» Я. К. Грота (1885) и др. [1; 3].

В XX в. систематизация и кодификация русской пунктуации продолжилась в трудах А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, А. Б. Шапиро, В. Ф. Ивановой, А. А. Реформатского, В. А. Ицковича, Н. С. Валгиной, А. И. Моисеева, Н. Н. Барулиной, Д. Э. Розенталя, Б. С. Шварцкопфа, А. Б. Пеньковского, Н. А. Шубиной, Б. З. Бучкиной и др. [23, с. 401]. В 1956 г. под грифом Академии наук СССР, Министерства высшего образования СССР и Министерства Просвещения РСФСР вышли в свет «Правила русской орфографии и пунктуации», действующие и в наши дни. В подготовке этого свода правил принимали участие такие выдающиеся лингвисты, как Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, С. Г. Бархударов, К. И. Былинский, В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. П. Обнорский, А. Б. Шапиро, С. И. Ожегов и др. [20, с. 4]. Исследователи подчеркивают, что «Русская пунктуация за всё время существования не подвергалась

упорядочению и реформированию. В “Правилах” были систематизированы действующие нормы, устранены противоречия и неясности, сформулированы правила для ранее нерегламентированных случаев. Все пунктуационные правила, предусмотревшие основные, наиболее типичные языковые конструкции, даны в виде систематического свода, изложенного по знакам препинания» [2, с. 359 – 360]. Свод регламентирует правила употребления десяти основных пунктуационных знаков, к которым относят *точку, точку с запятой, запятую, двоеточие, тире, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, скобки, кавычки* [20, с. 71 – 109]. А. И. Моисеев дополнительно характеризует еще семь знаков препинания, среди которых *одиночная скобка*, используемая при цифровой или буквенной нумерации пунктов перечисления, *двойные запятые* и *двойное тире* как знаки обособления, *дефис* между определяемым существительным и одиночным приложением (типа *Аника-воин*), *дробная черта, абзац* (или абзацный отступ), *астериск* – сноска в форме звёздочки (от греч. *ἀστέρ* – «звезда») [16, с. 160 – 161]. Исследователь указывает, что «вслед за абзацем к знакам препинания иногда причисляются и другие знаки членения текста: знак параграфа (§), главы, разного рода пробелы и т. п., но это не находит пока широкого признания» [Там же]. Б. С. Шварцкопф включает в периферию системы пунктуации, понимаемой им в широком смысле, пунктуационно-орфогра-

фические комплексы: «Пунктуационно-орфографические комплексы – это связанные со сложными синтаксическими ситуациями наборы разнородных – пунктуационных (одиночные/парные знаки препинания), орфографических (прописное/строчное написание), графических (абзац) – средств, объединяемых единой схемой организации, взаимодействия и пространственного (горизонтального/вертикального) расположения элементов схемы в тексте. Таковы, например, контекст с прямой речью (правила включают наряду со знаками препинания постановку прописных букв), перечисление с рубрикацией и некоторые др. К периферии системы пунктуации относятся также типографские средства оформления текста» [23, с. 401].

В последние десятилетия наблюдается тенденция расширения состава внеалфавитных средств членения письменного текста за счет знаков компьютерной клавиатуры [24, с. 171]. Так, например, при помощи знака @ («коммерческое “эт”», или разг. *собачка*) в поэзии Ники Скандиаки «передается манера бессмысленного общения современных людей: их беседа звучит как несмазанная тележка @,--`----,-----» [6, с. 91]. Знак # (*хештег*), по мнению Е. Н. Широковой, в заголовках современных СМИ «выполняет функцию отделения – участвует в членении текста, а также функцию предупреждения – сигнализирует о переходе к новой микротеме, то есть наряду со шрифтовым выделением фактически выполняет функцию абзаца» [24, с. 171].

С. В. Друговойко-Должанская обращает внимание на использование компьютерного знака *косой черты (слэша)*, употребляющегося в значениях «либо/либо», «как/так и», «с одной стороны/с другой стороны», «а может быть и» [5, с. 35 – 36].

По наблюдениям исследователей, «в настоящее время происходит изменение частных текстовых функций и расширение позиций знаков препинания, относящихся к центру поля, а также наблюдается тенденция к активизации знаков пунктуации, которые находятся на периферии пунктуационной системы <...>. На наш взгляд, одной из причин, влияющих на активные процессы в области русской пунктуации, является активизация клипового мышления у современного человека, что детерминировано развитием электронной коммуникации, обусловившим появление гипертекстов и увеличение количества креолизованных текстов» [24, с. 156 – 157].

Среди форм электронной письменной коммуникации следует назвать e-mail (электронную почту), СМС-сообщения (SMS – Short Message Service), ICQ (от англ. *I seek you* – «я ищу тебя»); система обмена текстовыми сообщениями для мобильных и иных платформ), социальные сети в интернете (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Youtube, Instagram, Flickr и т. д.), мобильные чаты на телевидении и др. Отметим, что в письменных текстах интернета наблюдается формирование собственной пунктуации, например, при использовании двоето-

чия и точки с запятой добавляется одиночная скобка: :) и ;). Зачастую при написании данных текстов знаки препинания вообще не используются или используются минимально и с отступлениями от пунктуационных норм (особенно этим отличаются СМС-сообщения, использующие многочисленные окказиональные сокращения и слитные написания) [8, с. 17]. Без графического интервала после хештега пишутся слова в микроблогах и социальных сетях (например, #инстаграмнедели, #яжемать, #онижеде-ти, #поставьлайк, #оставайтесьдома и т. п.), что «возвращает» нас в эпоху слитного написания в славянских рукописях XI – XIV вв.

В функции внеалфавитных средств членения текста могут употребляться *смайлы* (англ. *smile*) – знаки препинания, буквы и цифры, используемые для создания графических значков, которые обычно отображают эмоции или настроения, и *эмотиконы* (англ. *emoticon*) – **пиктограммы**, изображающие отношение говорящего к высказыванию, эмоции, состояния человека, его внешность, действия и др.

М. А. Кронгауз рассматривает в своей книге использование смайлов/эмотиконов в современной коммуникации [11]. Исследователь приходит к выводу, что они могут функционировать как знаки препинания и занимать позицию всех знаков, кроме вопросительного. На момент публикации книги автор отмечает отсутствие нормы по расстановке смайлов: они могут встречаться как внутри предложения после конкретных слов, к которым от-

носятся, так и в конце высказывания. Кроме того, эмодзи в текстах интернета могут использоваться «...для выражения эмоционального состояния, дополнения смысла высказывания, уточнения экспрессивно-интонационной окраски, установления и поддержания контакта с собеседником» [17, с. 326]. С одной стороны, эти единицы интернациональны и тем самым способствуют организации межнационального диалога, с другой стороны, у каждого человека со временем формируется свой набор предпочитаемых знаков, что дает основание говорить о «формировании авторского, окказионального значения эмодзи» [12, с. 50]. Данные единицы участвуют в письменной

коммуникации, способствуя превращению «...пунктуационной системы из системы утилитарной в систему семиологических кодов» [5, с. 36].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в соответствии со всеобщим законом «отрицания отрицания» история письменного текста идет «по спирали»: от пиктограмм и слитного представления сакрального текста (**синкретизм**) через логическую систему кодифицированной пунктуации (**расчленение синкретизма**) к использованию современных идеографических знаков – смайлов/эмотиконов, отражающих клиповое мышление современного человека (**синкретизм на новом уровне развития языка и ментальности**).

Библиографические ссылки

1. Абакумов С. И. Об основах методики пунктуации // Известия Академии педагогических наук РСФСР. М. ; Л., 1947. Вып. 10. С. 5 – 56.
2. Бучкина Б. З. «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997. С. 359 – 360.
3. Гаевская Т. И. Вопросы русской пунктуации в трудах грамматистов XVI – XVIII веков. Пермь, 1973. 39 с.
4. Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000. 526 с.
5. Друговейко-Должанская С. В. Знаки «препинания» // Грани лингвистики : Филологические этюды. СПб., 2006. С. 26 – 36.
6. Ищук Е. Н. Авторская расстановка знаков препинания как намеренное нарушение пунктуационной нормы (на примере современной прозы и поэзии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2014. Т. 13, № 9. С. 88 – 92.
7. Карапетян Г. К., Шварцкопф Б. С. Пунктуация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 406 – 407.
8. Клименко Е. А. Синтаксические и словообразовательные особенности СМС-сообщений (на примере текстов СМС-сообщений студентов) // Новые горизонты русистики. 2020. № 9. С. 15 – 21.
9. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб., 2019. 776 с.

10. Кондратов А. М. Пиктография // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 374 – 375.
11. Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского. М., 2013. 412 с.
12. Крылов Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 50 – 52.
13. Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X – XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. 639 с.
14. Ломоносов М. Российская Грамматика (1757). М. ; СПб., 2012. 210 с.
15. Лопутько О. П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X – XV вв.). Новосибирск, 2001. 224 с.
16. Моисеев А. И. Звуки и буквы, буквы и цифры... М., 1987. 195 с.
17. Нашхоева М. Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмодзи в текстах форумов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 12 – 1. С. 322 – 326.
18. Немировский Е. Л. Книгопечатание // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997. С. 187 – 188.
19. Пименова М. В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб. ; Владимир, 2007. 415 с.
20. Правила русской орфографии и пунктуации / сост. Л. В. Щерба [и др.]. М., 1956. 176 с.
21. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975. 176 с.
22. Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. 616 с.
23. Шварцкопф Б. С. Знаки препинания. Пунктуация // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997. С. 139 – 140, 400 – 401.
24. Широкова Е. Н. Пунктуация как динамическая функциональная система // Динамические явления в русском языке и русской речи / под ред. О. А. Пацковой. Н. Новгород, 2019. С.154 – 220.

M. V. Pimenova, V. A. Polyakova

ON THE HISTORY OF THE ORIGIN AND CODIFICATION OF NON-ALPHABETIC MEANS OF DIVIDING A WRITTEN TEXT

The article is devoted to the history of the emergence and codification of non-alphabetic means of dividing a written text, reflecting, as the authors believe, the change of conceptual forms of mentality and developing "in a spiral": from pictograms based on syncretic perception of the world and the fused representation of sacred text through a logical system of codified punctuation to the emergence of syncretism at a new level of language development – to the use of modern ideographic signs.

Keywords: history of writing, division of written text, extra-alphabetic signs, conceptual forms of mentality, punctuation, emoticons.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГЕ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (часть 2)

Статья рассматривает с позиций академического религиоведения некоторые проблемные аспекты взаимоотношения между подходами богословия, теологии, философии, востоковедения и сравнительного религиоведения при описании того, что в разных культурах (на материалах Китая и России) принято именовать феноменом «божественного», «Богом» или «Дао». Описания «Тао/Дао» фиксируются в переводах с XVIII века, с XIX столетия в российских изданиях появляются термины «Таоизм/Даосизм», выступая в качестве актуальных и требующих к себе постоянного внимания своей многоплановостью до настоящего времени.

Ключевые слова: богословие, религиоведение, «божественное», «Бог», «Дао», Китай, Россия.

Проблема взаимоотношения между подходами богословия, теологии, философии и религиоведения при описании того, что в разных культурах принято именовать «божественным», «божественностью» или «Богом», актуальна и требует к себе постоянного внимания. Двое из соавторов статьи уже имеют предварительный опыт обращения к данной тематике [6, с. 70 – 77]. В данной статье проанализированно, как понимаются богословие, теология и религиоведение в российской и китайской культурах, на основе преимущественно данных электронной базы текстов «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ).

Анализ показывает, что термин «богословие» и его производные («богословия», «богословию» и т. п.) представлен в 996 текстах НКРЯ из более чем 2 млрд слов этой базы данных (на 10.05.2023), начиная со второго десятилетия XVIII века (НКРЯ. Архиепископ Феофан. Слово о власти..., 1718). Этот текст был создан архиепископом Феофаном (Прокоповичем, 1681 – 1736), одним из наиболее значимых сподвижников Петра Первого, который обращал внимание на разделение в современном ему обществе на просвещенных сторонников социальных перемен Петра Великого и их консервативных «невежественных» противников, которых он именуется «мерзосло-

вами», поскольку они «не знают христианского учения», при этом в них он ощущает присутствие «духа афеистского», отличая подлинное «богословие» от «слепая богословия, многими баснями наполненная», как это, по его убеждению, было принято «у иудей». Феофан, сподвижник Петра, образно сопоставляет и сравнивает своих противников с «прузи», т. е. с саранчой [10, с.141 – 143]. Это библейское насекомое, ставшее ярким образом прихода так называемой восьмой египетской казни и знаменем «конца света», в данном тексте выступает метафорой его противников, иронично изображаемых им как существ, у которых «чревище великое и крыльца малые», которые, хотя и стремятся «летать», возносясь к «небесному» для утверждения «высоких истин» своего «консерватизма», претендующего на всепоглощающую власть, но на практике не способны добиться ничего впечатляющего и убедительного.

Феофан Прокопович был главным составителем важнейшего юридического документа той эпохи, именуемого «Регламент, или Устав духовной коллегии» (1721), в котором упоминалась учебная дисциплина «богословия», которой предложено обучать два года (НКРЯ. Регламент..., 1721). В этом тексте встречается радикально негативное выражение «воня безбожия», которое противопоставлялось богословскому понятию «воня блаженства», описывающему тех, кто собирает «духовные цветы для сплетения венцов небесных», дистанцируясь от

«учения безбожия еретического», которое бесконечно «многообразно», как об этом писал еще Кирилл Иерусалимский (Κύριλλος Ἱεροσολύμων, 315 – 386) [13]. Современный Духовному регламенту «Указ об учреждении Синода» выделял самостоятельную категорию «раскольщиков», особенно отмечая «тайных», т. е. «раскольщиков, под видом православия живущих, покрывать сие дело безбожием смердящее», всех тех, кто «явственно хулит имя Божие, или Священное Писание, или Церковь» и «воню безбожия издает от себе» [16]. Такие утверждения и квалификации становились предметом судебных разбирательств, когда, к примеру, даже провинциальный секретарь мог выступить против Святейшего синода, наглядно показав силу и новые «возможности бюрократии» [11, с. 47 – 58].

Сподвижником реформ Петра был и епископ Гавриил (Бужинский, 1680 – 1731), который считал, что дисциплина и наука «христианская богословия» должна быть противопоставлена «астрологическому о гороскопиях мудрствованию» (НКРЯ. Гавриил. Похвальное слово..., 1723). Значительно более детально описывал ситуацию В. Н. Татищев (1686 – 1750), отмечавший, что исторически «богословие» создавали «государя» и «стихотворцы», при этом если первые стремились утверждать «наилучшую истинну», то вторые создавали только «слаткоречием и вымыслы приятны», включая «враки» и «мерские ... сквернодеяния», при этом отмечая, что в просвещенном

обществе «богословия почитается от философии за особливую науку», в отличие от магии, которая «совсем брошена» (НКРЯ. В. Н. Татищев. Разговор..., 1733).

В свою очередь поэт и филолог В. К. Тредиаковский (1703 – 1768) писал, что к теоретическим знаниям относится «теология, или богословия естественная», т. е. «знание, которое единым токмо врожденным светом разума доказывает, чего Бог, да познаем Его и служим Ему, в естественном состоянии от нас требует» (НКРЯ. В. К. Тредиаковский. Слово..., 1752). Один из первых российских профессоров, Н. Н. Поповский (1730 – 1760), талантливый ученик М. В. Ломоносова, отмечал, что «естественная богословия, не ссылаясь на божественное писание и на свидетельство святых отцев, ложные безбожников, возражает мнения и доказательства опровергает и, рассматривая только едину натуру» (НКРЯ. Н. Н. Поповский. Речь..., 1755). Во второй половине XVIII столетия архиепископ Платон (Левшин, 1737 – 1812) вводит в употребление конфессиональный термин «православное учение» как «христианская богословия», которая единственно как «мудрствует высокая Христианская Богословия» способна «возсиять солнцем правды Христом» (НКРЯ. Архиепископ Платон. Православное учение, или Сокращенная христианская богословия, 1765).

Почти в два раза реже, только в 380 текстах, встречается термин «теология» и его производные («теологии»,

«теологию» и т. п.), начиная со второй половины XVIII века и в изданиях упоминавшегося выше В. К. Тредиаковского, писавшего, что «теоретических знаний три: теология, или богословия естественная, пневматология и физика», при этом все они именуется «метафизикою» (НКРЯ. В. К. Тредиаковский. Слово ..., 1752). Еще два примера представлены в работах Н. М. Карамзина (1766 – 1826), который сожалел, что в некоторых поэтических произведениях бывает «вмѣшано слишкомъ много Теологіи» (НКРЯ. Жизнь Клопштока // Московской журналъ. Часть VI, 1792). При этом позже он отмечал, что «обыкновенные догматы теологии... одушевляемые ... огнем, возвышают ... душу читателя» (НКРЯ. Н. М. Карамзин. Письма ..., 1793).

На порядок меньше в НКРЯ представлен термин «религиоведение» и его производные: всего 39 текстов, начиная с публицистики П. Л. Лаврова (1823 – 1900), упоминавшего, как может на первый взгляд показаться, про «сравнительное религиоведение» и «сравнительное изучение верований» (НКРЯ. П. Л. Лавров. Статьи, 1882). Второй пример относится к изданию второй половины XX века, посвященному «теории и методологии религиоведения, истории религии, роли религии в современном мире» (НКРЯ. Новинки литературы // «Наука и религия», 1985). В действительности, как уже хорошо известно, впервые термин «религиоведение» использовал Л. Н. Толстой (1828 – 1910) в 1908 году [1]. П. Л. Лавров, в отличие от него, сослался в упо-

мянутой выше статье 1882 года на страсбургское издание «*Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft*» одного из «отцов современного религиоведения» М. Мюллера, которое он сам привел в своем тексте на языке оригинала, используя только термин «сравнительное изучение верований», тогда как именно в советском переиздании (1986) в редакционной сноске был использован переведенный термин «сравнительное религиоведение», который поисковик НКРЯ и отнес к 1882 году [12, с. 127].

Судьба термина «религиоведение» оказалась сложной и противоречивой в России XX – XXI столетий, но это тема для отдельной статьи. Упомянутый Л. Н. Толстым (1908) термин входит в научное употребление только с 30-х годов XX века в качестве обозначения советской («атеистической», «марксистско-ленинской») трактовки общей «науки о религии», утверждавшейся в европейской культуре со второй половины XIX в. Последнюю некоторые авторы советского периода могли иногда квалифицировать как идеологически враждебное «буржуазное религиоведение», которому они противопоставляли «стройную последовательную диалектико-материалистическую теорию религии Маркса – Энгельса – Ленина», иногда выступавшую как «раздел научного атеизма», призванный дать исчерпывающее полное описание феномена религии в его возникновении, развитии и «отмирании», понимаемых как возникновение, развитие и исчезновение различ-

ных «сообществ», их «учений» и «практик», основанных на универсальном «сущностном» признаке «вера в сверхъестественное», который в контексте того времени противопоставлялся науке как знаниям о естественном. Сегодня религиоведение понимается как «научное изучение религии в России... тесно связанное с развитием ... гуманитарных наук в целом», начинающимся с XVIII века [7, с. 1057].

В Китае, как отмечает Чжан Си, развитие религиоведения как особой науки о религии начинается с конца XIX века, когда в 1893 году в Чикаго состоялся Всемирный парламент религий (Parliament of the World's Religions, World's Parliament of Religions), где присутствовал и представитель Китая. Затем, в начале XX века, в период политических потрясений, череды восстаний и революций, началась критика так называемых суеверий традиционных религий и представлений о божественности императорской власти, что сопровождалось признанием буддизма как «атеистической религии», полезной для государственной жизни [18, с. 30 – 31; 32; 34]. В этом контексте происходит перенос в китайские тексты из японской культуры отдельного иероглифа, утвердившегося там с середины XIX века, когда заключались первые договоры между Японией, США («Kanagawa Treaty», 神奈川条約, 1854) и Российской империей («Японско-российский договор о дружбе», 日露和親条約, 1855), в которых стали, наряду

с некоторыми другими, использовать иероглиф 宗 (Shūkyō), в конце концов признанный основным собирательным термином, эквивалентным английскому «religion» и русскому «религия».

А. П. Забияко и М. А. Хаймурина отмечают, что в дальнейшем в отношении к религии в Китае определяющую роль играло движение коммунистов и их партия, которая «со времени своего образования в 1921 г. до образования Китайской Народной Республики в 1949 г. прошла сложный путь формирования своих теоретических позиций», при этом «вплоть до 1957 г. отношение к религии оставалось достаточно лояльным, допускалась широкая свобода вероисповедания» [8, с. 64]. С 1982 года стал издаваться журнал «Религиоведение» (宗教学研究, Religious Studies). Вместе с тем до настоящего времени обсуждается проблема этимологии китайского слова 宗教 (zōngjiào, цзунцзяо) и ряда аспектов его эквивалентности, распространенных в современных изданиях, словам «religion/религия».

По причине ограниченности допустимого объема статьи, обратимся только к некоторым и самым общим аспектам понимания такого оригинального феномена китайской культуры, как «даосизм», который описывается Википедией, с одной стороны, как единственная и уникальная автохтонная религия [2], а с другой – как одно из важнейших интеллектуальных проявлений универсальной китайской филосо-

фии [4]. Слово и иероглиф «Дао» (道, dào, дао), согласно онлайн китайско-русскому словарю, обозначают особый феномен – «даосизм», т. е. «истинно сущий Путь (вездесущее начало, всеобщий закон движения и изменения мира; высший абсолют, источник всех явлений, из которого всё исходит и к которому всё возвращается)» [3].

Сегодня в Википедии статьи о «Дао» представлены на 51 языке, в том числе на латыни, в которых употребляются термины Tao и Taoismus, иногда в других языках это же слово могут романизировать как Dao, как, к примеру, в польской версии, где присутствуют Dao и Taoizm, или в английской, где соседствуют Tao/Dao и Taoism/Daoism. В российских изданиях встречаются две основные кириллические версии «Дао» и «Тао», при этом первая получила распространение и постепенно стала основной только в XX веке, тогда как вторая существует с XVIII столетия [14, с. 3]. Оба термина («Дао» и «Тао») выражают практики учения знаменитого трактата «Дао Дэ Цзин» (道德經, 道德经, «Книга пути и достоинства»), который по количеству переводов в мире уступает только Библии и восходит, согласно традиции, к творчеству Лао-цзы (Старый Младенец, Мудрый Старец; 老子, Lǎo Zǐ, VI век до н. э.). Знакомство европейцев с этими терминами относится ко времени античных военных походов, включая походы Александра Македонского (Ἀλέξανδρος Γ' ὁ Μέγας, 356 – 323

гг. до н. э.); купцов Великого шелкового пути (со II в. до н. э.); путешественников (начиная с Чжан Цянь, 張騫, 200 – 114 гг. до н. э.); Климента Александрийского (Κλήμης ὁ Ἀλεξανδρεὺς, Clemens Alexandrinus, ок. 150 – ок. 215), впервые в 198 году н. э. описавшего Будду как того, кого приверженцы стали почитать «как бога за наивысшую благочестивость» (Строматы, I, 15, 72); несториан («цзинцзяо», 景教, «сияющая религия»), которых в 638 году признал разрешенным в стране учением император Тайцзун, отметив, что «не существует дао с постоянным именем, не существует мудреца с постоянным обликом», и позитивно оценив их религию [17]. С конца XIII века началась католическая миссия в Поднебесной (1293).

Знакомство русских с китайской культурой относится к эпохе «империи чингизидов», включившей Русь и Китай в одно политическое целое (1231 – 1237). Оно было продолжено в XVII веке, когда началось освоение Сибири, что зафиксировано Нерчинским договором (1689), а начало изучения китайского языка ведется с 1700 года, когда Петр Великий приказал искать «достойных людей для проповеди Евангелия Сибирским и инородцам и Китайцам», чтобы обратить их в «православную Христианскую веру» [5, с. 59 – 61]. Знание корректных терминов было необходимо для составления дипломатических документов, включавших в себя так называемую богословию, т. е. первый отдел текста с упоминанием высшего начала

бытия, которое гарантировало их авторитет, как, к примеру, это представлено ссылкой на «Бога единого, безначального и бесконечного, невидимого и неопищенного, страшного и неприступного, превыше небес пребывающего, живущего во свете неприступней, властвующего силами небесными и единым бессмертным словом премудрости своея» (Грамота царя Алексея Михайловича цинскому императору Шицзу о посольстве Ф. И. Байкова. 1658).

Тем не менее в НКРЯ слово «Дао» (155 текстов и 550 примеров) встречается в текстах только начиная с XIX века (НКРЯ. П. Е. Кирилов. Пекинские письма 1830 – 1838), «Таоизм» (4 текста и 7 примеров) – с 1880 года (НКРЯ. Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневники, 1880), а слово «Даосизм» (59 текстов и 142 примера). с начала XX века (НКРЯ. В. В. Корсаков. Пекинские..., 1900), слово «Тао» (49 текстов и 144 примера) встречается с 1921 года (НКРЯ. Б. А. Пильняк. Повесть Петербургская, 1921). Современный российский академический сайт «Синология.Ру» отмечает, что «термином дао передавались буддийские понятия..., выражающие идею пути, а также... иудео-христианское понятие Бога», при этом «"искусством/техникой дао" (дао шу) названо и раннее конфуцианство, а позднее "учением о дао" назывался и буддизм» [9].

Таким образом, «Дао» выступает как уникальное китайское понятие, при этом если мы говорим о его значении с философской точки зрения, то важно

отметить, что сами китайские философы обращали внимание на то, что его трудно и даже невозможно ясно выразить, что, очевидно, ведет к тому, что и обычные китайцы, конечно, тоже затрудняются в объяснении его содержания, поскольку уже первый человек, который создал это понятие (Лао-цзы), сказал тогда, что «Дао» невозможно ясно объяснить, и истинное «Дао» – это «Дао безымянное», так называемое нечто, невыразимое словами, подобно известному в европейской культуре библейскому Богу. Тем не менее интересно, что почти все китайцы знают о «Дао», при этом с помощью иероглифа “道” (Дао) создано много важных слов, например: 道德 (dàodé, даодэ) – нравственность, добродетель, мораль, этика; 道理 (dàolǐ, даоли) – закон, правда, истина; 道路 (dàolù) – дорога, путь и т. д. [15, с. 139]. Таким образом, иероглиф

“道” (Дао), с одной стороны, обозначает нечто вездесущее в нашей жизни, а с другой – мы не можем его детально уточнить. В таком контексте интересно в перспективе обратиться к исследованиям социологов, которые изучают особенности глобальных исследований религиозности на личном уровне, в том числе в России и Китае, где такие термины, как «Бог» и «Дао», часто входящие в анкеты, с одной стороны, в теоретическом плане могут трактоваться как тождественные, выступая как обозначение национальных образов того, что признается за экстралингвистическое (т. е. лежащее за пределами возможностей конкретного языка) «начало бытия», тогда как, с другой – противоположны, поскольку в каждой «языковой картине мира» «свое» понимание всегда отличается именно как «истинное» от «иных» и «чужих» этнокультурных образов.

Библиографические ссылки

1. 1908 год. 19 ноября. Лев Толстой вводит в оборот термин «религиоведение». [Электронный ресурс]. URL: [https://runivers.ru/philosophy/chronograph/452087/свободный. Яз. рус. \(дата обращения: 15.06.2023\)](https://runivers.ru/philosophy/chronograph/452087/свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.06.2023)).
2. Baidu [Электронный ресурс]. URL: [https://baike.baidu.com/item/%E9%81%93/3919554 \(дата обращения: 15.06.2023\)](https://baike.baidu.com/item/%E9%81%93/3919554 (дата обращения: 15.06.2023)).
3. Dao [Электронный ресурс]. URL: [https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E9%81%93 \(дата обращения: 15.06.2023\)](https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E9%81%93 (дата обращения: 15.06.2023)).
4. Dao [Электронный ресурс]. URL: [https://zh.wikipedia.org/wiki/道 \(дата обращения: 15.06.2023\)](https://zh.wikipedia.org/wiki/道 (дата обращения: 15.06.2023)).
5. № 1800 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. IV. 1700 – 1712 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 59 – 61.

6. Аринин Е. И., Лю К. Представления о боге в контексте китайской и российской культур: сравнительный религиоведческий анализ (часть 1) // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 3 (35). С. 70 – 77.

7. Забияко А. П. Религиоведение в России // Энциклопедия религий. М. : Акад. проект : Гаудеамус, 2008. С. 1057.

8. Забияко А. П., Хаймурзина М. А. Интерпретация религии китайскими учеными в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). Статья первая // Религиоведение. 2013. № 2. С. 64.

9. Кобзев А. И. Дао [Электронный ресурс] // Синология.ру. URL: <https://www.synologia.ru/a/Дао> (дата обращения: 10.06.2023).

10. Коваленко К. И. Придоша пружи на Руськую землю... (насекомое саранча в русской лексикографии XVI – XXI вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 141 – 143.

11. Курукин И. В. «Воня безбожия»: история одной любви, или Провинциальный секретарь Максим Пархомов против Святейшего Синода // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 5 (26). С. 47 – 58.

12. Лавров П. Л. Теоретики сороковых годов в науке о верованиях // Встань, человек! / сост., подгот. текстов, примеч. А. И. Володина, Б. М. Шахматова. М. : Сов. Россия, 1986. С. 127.

13. Поучение предогласительное, или Предисловие к огласительным поучениям святого Отца нашего Кирилла, Архиепископа Иерусалимского [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/945> (дата обращения: 11.06.2023).

14. Тшуанг-Тзе и Тиена, или Открытая неверность : Повесть китайская, с приобщением трех повестей из книги, называемой Превраты счастья / с французского перевел А. В. К. П. А: П. Тр. П. П. В. СПб. : Печ. у Христофора Геннинга, 1785. С. 3.

15. Тщательно отредактированный словарь русско-китайский и китайско-русский. Пекин : Шаньбу, 2011. С. 139.

16. Указ об учреждении Синода [Электронный ресурс]. URL: <https://dilettant.media/articles/36139071/> (дата обращения: 14.06.2023).

17. Христианство в Китае [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Христианство_в_Китае (дата обращения: 14.06.2023).

18. Чжан Си. Развитие религиоведения в России и Китае в конце XX – начале XXI вв. : сравнительный анализ. СПб. : СПбГУ, 2017. С. 30 – 31, 32, 34.

CONCEPTS OF GOD IN THE CONTEXT OF CHINESE AND RUSSIAN
CULTURES: A COMPARATIVE RELIGIOUS ANALYSIS (part 2)

The article considers from the standpoint of academic religious studies some aspects of the problems of the relationship between the approaches of theology, theology, philosophy, oriental studies and comparative religion in describing what in different cultures (on the materials of China and Russia) is called the phenomenon of "divine", "God" or "Dao". Descriptions of "Tao/Tao" have been recorded in translations since the 18th century; since the 19th century, the terms "Taoism/Taoism" have appeared in Russian publications, acting as topical and demanding constant attention with their versatility up to the present.

Keywords: theology, religious studies, "divine", "God", "Tao", China, Russia.

УДК 37.014.522

Ю. Г. Матушанская, Э. Л. Гатина

ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНО-
ЭТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить философские и социальные аспекты культурологического курса «Основы религиозных культур и светской этики» в образовательной программе средней школы Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена важностью изучения процессов трансформации религиозного и общественного сознания в условиях мультирелигиозного, многонационального социума. Научная новизна исследования состоит в том, что был выявлен философский аспект диалога в религиозно-этическом компоненте образовательного процесса. Применены исторический метод, метод анализа текстов. Показано, что названный курс предназначен для формирования коммуникативной компетенции, гражданской позиции, толерантности к другим культурам. Философский аспект явления – это диалог, принятие Другого через изучение иных культур.

Ключевые слова: образование, религия, основы религиозных культур и светской этики, диалог, межкультурная коммуникация.

Актуальность исследования. множества социальных и политических факторов, для него характерны разнообразные векторы, не только соб-
Религиозное пространство России не-
однородно, подвергается влиянию

ственно религиозные, но и этносоциальные, культурные и другие. Это выражается во всех сферах общества, культуры, общественного сознания, и прежде всего в такой важной области, как образование. Особенно актуально это для мультиэтнических и мультирелигиозных регионов, таких как Башкортостан, Татарстан и другие. Этим определяется *актуальность* работы.

Введение в 2012 г. предмета ОРКСЭ (Основы религиозных культур и светской этики) в систему начального и среднего образования стало знаковым явлением. Религиозно-этический компонент в образовании одновременно выступает и областью пересечения религиозной и образовательной сфер социума, и предметом исследования религиоведения и педагогики, а также может быть раскрыт в философском аспекте, что и находится в фокусе внимания авторов статьи. Предмет ОРКСЭ состоит из пяти модулей, родители могут выбрать один из них. Два модуля носят неконфессиональный характер – это светская этика и основы мировых религиозных культур (неконфессиональные модули ОСЭ и ОМРК); другие же модули призваны познакомить учеников с одной из выбранных религиозных традиций (на выбор предлагаются четыре мировые религии, причем христианство – в варианте православия) либо дать более детализированный набор сведений о конкретной религиозной традиции с упором на ее культуру (конфессиональные блоки ОПК, ОИСК, ОБК, ОИК).

Теоретическая база. Проблема-тика, связанная с введением курса ОРКСЭ, исследовалась в социальном, педагогическом, религиоведческом аспектах, в контексте современного религиозного образования. Проблемой религиозного образования занимаются Е. И. Аринин, Ю. Г. Матушанская, Д. М. Сахарных, известны их труды в рамках проекта «Образ религии в России». Об этом проекте пишет Е. И. Аринин: «Термины “религиозное образование” и “религиоведческое образование” являются основными для нашего проекта» [10, с. 17].

В коллективной монографии Е. И. Аринина и соавторов [9] вопросу введения предмета ОРКСЭ посвящен ряд глав. Отмечается, что данный предмет характеризуется как «культурологический» и нацелен на формирование у учащихся «мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа» [Там же]. С. В. Васильева, О. В. Доржигушаева рассматривают специфику внедрения курса ОРКСЭ в Бурятии [3]. Е. В. Воронцова [4, с. 69] уточняет, что перед курсом ОРКСЭ ставятся следующие задачи: курс призван сформировать гражданскую идентичность подрастающего поколения, в ходе обучения учащиеся должны овладеть как духовными ценностями, так и знаниями о культуре народов России; также в числе задач – воспитание и социализация учащихся. Все эти задачи были выработаны для реализации цели – форми-

рования у подрастающего поколения толерантных установок. Толерантность должна быть сформирована по отношению к тем лицам, которые отличаются физически и умственно (люди с ограниченными возможностями), а также к людям с другой национальной и религиозной принадлежностью. Ю. Г. Матушанская, Д. М. Сахарных [8] сопоставляют разницу в реализации ОРКСЭ в двух субъектах Федерации, обусловленную разной религиозной ситуацией в республиках. Если в Удмуртской республике преобладает православие, то в конфессионально неоднородной Республике Татарстан «существуют две мировые религии – христианство (православие) и ислам» с установкой правительства на сохранение баланса их интересов. Ю. А. Сибирцева и Т. А. Кильдяшова рассматривают преподавание ОРКСЭ в рамках проблемы формирования толерантности, динамики процессов в межкультурной коммуникации, смены парадигмы от бинарной оппозиции «Свой – Чужой» к понятию «Другой» [12, с. 144]. В монографии того же проекта «Образ» «Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России» [10] Ю. Г. Матушанская анализирует ОРКСЭ в рамках исследования истории религиозного образования в Республике Татарстан [7]. Таким образом, предмет ОРКСЭ исследуется социологами религии в рамках проекта «Образ» и рядом других ученых, явление связывают с проблематикой толерантности, изучают в аспекте статистических данных и в кон-

тексте особенностей региональной религиозной ситуации.

Теория коммуникативной компетенции была сформирована М. М. Бахтиным в 1934 – 1935 гг.) на базе философской концепции диалога [1]; С. И. Виноградов [5] выделил ее структурные компоненты. Философская концепция диалога является парадигмой, в рамках которой проводится наше исследование.

Задачи исследования:

1. Проанализировать религиозно-этический компонент в образовании с точки зрения коммуникативной компетенции и выявить философский аспект данной образовательной задачи.

2. Рассмотреть философский аспект диалога в религиозно-этическом компоненте в образовательном процессе средней школы.

3. Охарактеризовать проблемы реализации преподавания курса ОРКСЭ.

Методы исследования. При рассмотрении истории внедрения предмета ОРКСЭ и разработке понятия коммуникативной компетенции, философской концепции диалога был использован исторический метод. Также авторами применен метод анализа текстов.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы для разработки методологической и философской базы при составлении учебников по ОРКСЭ.

Результаты исследования. Полученные данные касаются трех аспектов.

1. Религиозно-этический компонент в образовании с точки зрения формирования коммуникативной компетенции.

Одна из ключевых компетенций, которые должны быть сформированы в начальной и средней школе, – коммуникативная компетенция [6], включающая навыки межкультурной коммуникации. Обычно, исследуя пути формирования коммуникативной компетенции, обращают внимание на такие предметы, как, например, изучение иностранных языков, лингвострановедение и т. д. Следует отметить, что помимо указанных одним из важных предметов, способствующих формированию данной компетенции, является именно ОРКСЭ.

Как было указано, философскую концепцию коммуникативной компетенции сформулировал М. М. Бахтин в 1934 – 1935 гг. С. И. Виноградов [5] выделил такие ее структурные компоненты, как психофизические, социальные параметры личности, ее культурный фонд, языковую компетенцию, прагматикон (т. е. непосредственно коммуникативную способность). Предполагается, что коммуникативная компетенция включает в себя способность к диалогу, что возвращает к изначальной мировоззренческой, философской концепции, изложенной в трудах М. М. Бахтина [1], который в своем понимании картины мира и личности в мире утверждал примат в бытии человека диалогической отнесенности к другому. Для сосуществования личностей в мире необходимым условием считается диалогичность сознания и мышления, когда индивид способен выйти за рамки своей картины мира и понять, принять картину мира Друго-

го, исходя из изначальной посылки равенства и уникальности всех участников диалога. Несмотря на то, что позиции их различны и своеобразны, они дополняют друг друга.

Как указано выше, частью коммуникативной компетенции является культурный фонд личности, т. е. энциклопедические знания и присвоенные ценности. Немаловажную часть культурного фонда личности учащегося обеспечивает преподавание курса ОРКСЭ, так как информация об истории религий, их основных характеристиках становится частью общего культурного багажа школьника.

Курс ОРКСЭ также можно назвать междисциплинарным, так как он связан и с курсом истории (по меньшей мере родного края), и способствует развитию страноведческой компетенции, так как ученик получает представление о религии (религиях) своего региона, о традициях и обычаях живущих в нем представителей разных национальностей.

Таким образом, курс ОРКСЭ вносит существенный вклад в формирование коммуникативной компетенции и одной из важных ее характеристик – энциклопедических знаний. Поскольку само понятие коммуникативной компетенции имеет философскую базу, можно утверждать, что налицо один из философских аспектов религиозно-этического компонента.

2. Философский аспект диалога в религиозно-этическом компоненте в образовательном процессе.

Рассмотрим философский аспект диалога в религиозно-этическом компоненте образования, о котором упоминали в связи с концепцией М. Бахтина. Философия диалога стала частью того антропологического поворота, который имел место в середине прошлого столетия, когда диалогичность, выход к Другому, отношения Я-Ты стали центром исследований философов-экзистенциалистов, религиозных философов (Э. Фромм, М. Хайдеггер, М. Бубер, П. Тиллих). Среди отечественных исследователей этой теме посвящали работы М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман. Постсекулярный мир, реальность постмодерна также предполагают наличие множества картин мира и равную ценность всех участников диалога, всех субъектов взаимодействия.

Каким образом диалогический подход в философии преломляется в практике внедрения курса ОРКСЭ в процесс образования? А. Богачев считает, что «данный курс так или иначе обращает всех субъектов образовательного процесса к феномену взаимоотношений «человек-человек» в контексте как «субъект-объектной», так и «субъект-субъектной» парадигм» [2]. Автор отмечает, что (на его взгляд) в современном мире речь о «толерантности» и «Другом» только формальна, фактически же имеет место отчуждение от Другого и утрата чувства сопричастности [2]. В уже упомянутой монографии Ю. А. Сибирцева, Т. А. Кильдяшова подчеркивают, что в основе осмысления и понимания культуры как

многоаспектного, полифункционального и сложного явления лежит принцип толерантного отношения к «Другому» [12, с. 139].

Общее представление о других религиях (в условиях религиозного воспитания в семье) либо о религиях в целом (при светском или атеистическом воспитании в семье) открывает учащемуся мир других убеждений и другой культуры. Так же, как, например, в Республике Татарстан, где достаточно частотным является этнорелигиозный компонент (в бытовом сознании «татары – мусульмане, русские – православные»), акцент в изучении религий региона может быть сделан на том, что вера составляет значительную часть национальной культуры, традиций, обычаев этноса, с которым ребенок сталкивается регулярно в повседневной жизни.

Таким образом, введение курса ОРКСЭ вносит существенный вклад в формирование диалогового сознания и мышления, что неотъемлемо для постсекулярного мира и реальности постмодерна.

3. Проблемы реализации преподавания курса ОРКСЭ в философском аспекте.

Специфика социальной реальности современной России тем не менее не всегда позволяет реализовать основную задачу курса ОРКСЭ в образовательном процессе, то есть способствовать формированию коммуникативной компетенции в ее философском смысле, диалогического сознания и мышления, толерантности и принятия

Другого. Здесь очевиден конфликт процессов, протекающих в постмодерной реальности, и ситуации, сложившейся в религиозном пространстве России.

Данные, полученные специалистами [9], показывают следующее. В 2013 – 2014 учебном году в Российской Федерации 46 % учащихся предпочли блок «Светская этика», «Основы православной культуры» заинтересовали 20 %, «Основы мировых религиозных культур» – 19 %, «Основы исламской культуры» – 4 %, «Основы буддийской культуры» и «Основы иудейской культуры» – менее 1 %. Ситуация в поликонфессиональных, мультикультурных регионах иная: согласно данным министерства образования Республики Татарстан, в 2014 году блок «Основы мировых религиозных культур» выбрали 54 % учащихся, а блок «Основы светской этики» – 46 %.

Как видно из этих данных по реализации предмета ОРКСЭ в субъектах Федерации (Удмуртская Республика, Республика Татарстан, Бурятия) [5; 7; 8; 12], родители, получив возможность выбора модуля, предпочитают выбирать неконфессиональные модули. Чаще всего выбор родителей падает на модуль «Основы светской этики», который не позволяет в полной мере познакомиться с собственно религиозной культурой. Этот выбор фактически сводит к минимуму изучение разнообразия культур, в том числе религиозных. Другой неконфессиональный модуль – «Основы мировых религиозных

культур» – гораздо больше способствовал бы достижению поставленной цели, так как здесь представлена информация о культуре Другого.

Причиной такого выбора служит нежелание родителей разделять детей одного сообщества (класса, учебной группы) по конфессиональному признаку, противопоставлять представителей одной религии и культуры другим, подчеркивать разницу традиций. Основам своей религии родители – православные и мусульмане – учат детей дома или в воскресных школах, и зачастую не считают нужным, чтобы ребенок знал о других религиях. Поэтому учебный предмет ОРКСЭ, изначально нацеленный на формирование коммуникативной компетенции через познание других традиций и культур, во многих регионах России своей цели не достигает, и диалоговое мышление, неотъемлемое для развития современного человека в изменившейся социальной реальности, не может сформироваться в полном объеме.

Таким образом, с одной стороны, в заложенном в основу учебного предмета ОРКСЭ принципе выбора модуля отражен важный аспект постсекулярного общества – возможность выбора из нескольких картин мира, с другой – ставится под вопрос реализация задач религиозно-этического компонента в образовании.

Выводы. Целью введения в 2012 году в программу общеобразовательной школы предмета ОРКСЭ было формирование у учащихся культуры

диалога, межкультурной коммуникации, толерантного отношения к тем, кто отличается по психофизическим качествам, языку, религии, национальности. Это соответствует требованиям ФГОС (Федерального государственного образовательного стандарта), где одной из важнейших компетенций называется коммуникативная, что охватывает и межкультурную коммуникацию, философской основой которой является концепция М. Бахтина о диалогическом мировоззрении.

Введение данного предмета реализует диалогический подход и диалогическое мировоззрение, основы концепции которого были заложены зарубежными (Э. Фромм, М. Хайдеггер, М. Бубер, П. Тиллих) и отечественными (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман) мыслителями.

Однако имеется расхождение должного и сущего, поскольку одним из наиболее выбираемых родителями модулей является модуль «Основы светской этики», что подразумевает, что знание собственно религиозных культур будет получено учащимися минимально. Наиболее продуктивным в этом плане был бы другой неконфессиональный модуль – «Основы мировых религиозных культур».

Заключение. Проанализировав религиозно-этический компонент в образовательном процессе общеобразовательной школы с точки зрения

ФГОС и рассмотрев аспект диалога в религиозно-этическом компоненте в образовательном процессе начальной школы, мы пришли к выводу о безусловном соответствии самой концепции курса ОРКСЭ диалогическому подходу в философии, специфике постсекулярного мира, реальности постмодерна. С культурологической и социологической точек зрения религиозно-этический компонент формирует способность к межкультурной коммуникации. С точки зрения целей педагогического и образовательного процесса данный курс способствует формированию коммуникативной компетенции. Однако социальная реальность российского общества и сложившаяся религиозная ситуация порождают проблему несоответствия должного и сущего, так как, реализуя возможность выбора модуля, родители выбирают «Основы светской этики», тогда как максимально данной цели соответствует такой неконфессиональный модуль, как «Основы мировых религиозных культур».

Перспективы исследования. Представляется целесообразным провести ряд опросов, чтобы сравнить степень толерантности и осведомленности о других традициях учащихся, чьи родители выбрали курс «Основы светской этики», и тех, чей выбор был сделан в пользу курса «Основы мировых религиозных культур».

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.
2. Богачев А. Психолого-педагогические особенности рассмотрения некоторых философских вопросов в рамках преподавания ОРКСЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2018/12/2018-12-20/psihologopedagogicheskie_osobennosti_rassmotreniya_nekotoryh_filosofskih_voprosov_v_ramkah_prepodavaniya_orkse (дата обращения: 01.09.2023).
3. Васильева С. В., Доржигушаева О. В. Трудности и перспективы внедрения курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Бурятии в местах компактного проживания семейских (старообрядцев) // Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России : монография / под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. С. 59 – 68.
4. Воронцова Е. В. Религиозное образование молодежи: между светскими и конфессиональными инициативами // Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России : монография / под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. С. 69 – 84.
5. Головин Б. Н., Виноградов С. И. Основы культуры речи. М. : Высш. шк., 1988. 320 с.
6. Дудковская Е. Е. Развитие коммуникативной компетенции учащихся в условиях реализации ФГОС [Электронный ресурс] // ЧиО. 2014. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kommunikativnoy-kompetentsii-uchaschihsya-v-usloviyah-realizatsii-fgos> (дата обращения: 01.09.2023).
7. Матушанская Ю. Г. Становление религиозного образования на территории Республики Татарстан // Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России : монография / под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. С. 139 – 150.
8. Матушанская Ю. Г., Сахарных Д. М. Реализация предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в Удмуртской Республике (2009 – 2015) в сравнении с Республикой Татарстан // Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России : монография / под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. С. 106 – 138.
9. «Образ» религии в России: образовательные проекты, толерантность и вызовы экстремизма : монография / Е. И. Аринин [и др.] ; под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2017. 212 с.

10. Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России : монография / под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. 268 с.

11. Основы религиозных культур и светской этики становятся обязательными [Электронный ресурс]. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=330&ELEMENT_ID=3891 (дата обращения: 01.09.2023).

12. Сибирцева Ю. А., Кильдяшова Т. А. Формирование толерантности в контексте преподавания религиозных культур // Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России : монография / под ред. доц. Н. М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. С. 139 – 169.

Yu. G. Matushanskaya, E. L. Gatina

THE PHILOSOPHICAL AND SOCIAL ASPECT OF THE RELIGIOUS AND ETHICAL COMPONENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The purpose of the study is to identify the philosophical and social aspects of the cultural course "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics" in the educational program of the secondary school of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the importance of studying the processes of transformation of religious and social consciousness in a multi-religious, multinational society. The scientific novelty of the study: the philosophical aspect of dialogue in the religious and ethical component of the educational process has been identified. A historical method, a method of analyzing texts has been applied. The results of the study: it is shown that this course is intended for the formation of communicative competence, civic position, tolerance to other cultures, the philosophical aspect of the phenomenon is dialogue, the adoption of the Other through the study of other cultures.

Keywords: education, religion, foundations of religious cultures and secular ethics, dialogue, intercultural communication.

УДК 215

М. А. Суботялов

ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Диалог научного и религиозного мировоззрений нередко достигал острых состояний, было немало периодов противостояний, когда казалось, что нет возможности найти точки соприкосновения и согласовать их. В данной статье проанализировано историческое развитие диалога науки и религии. Показано, что

даже в периоды официального провозглашения доминирования какой-либо одной из этих областей, диалог никогда не прекращался, всегда присутствовало взаимовлияние и взаимодополнение. Так, в эпоху Средних веков с характерным превалированием религиозного мировоззрения наука продолжала свое развитие, христианское вероучение побуждало исследовать мир, созданный Творцом. В период Нового времени, эпоху важных научных открытий, торжества разума религия также не была полностью отвергнута и продолжала сохранять свое влияние в обществе. Немало ученых наряду со своей научной деятельностью сохраняли и веру в Бога, Высший разум и утверждали, что эта вера не мешает и даже стимулирует их проводить исследования. Показано современное состояние диалога науки и религии, высказано мнение о возможности и даже необходимости сочетания научного и религиозного, духовного подходов.

Ключевые слова: наука, религия, история науки, история религии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44073 «Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы»

Вопрос о взаимоотношении науки и религии существует так же долго, как и сами эти понятия. Нередко утверждают, что они являются антагонистами, двумя исключаящими друг друга областями. Но так ли это на самом деле?

Наука представляет собой один из видов познавательной деятельности. На основе наблюдений, систематизирования и анализа собранного материала она предлагает человеку объективные и обоснованные знания о мире. Дать четкое определение понятию «религия» весьма трудно. Можно лишь выделить некоторые общие черты. Религия является особым типом мировосприятия, выражающего в 1) представлении о священном как особой реальности, доступной через веру; 2) переживании и эмоциональной реакции, вызванных актами религиозной веры;

3) действиях и объединениях верующих для почитания и связи со священным [7].

Наука и религия представляют собой два типа мировоззрения, различные способы освоения бытия человеком. Они формируют определенные картины мира, которые могут вступать друг с другом в конкуренцию. Некоторые цели и науки, и религии совпадают: и та и другая помогают человеку в приспособлении к окружающему миру [2].

Однако еще с древних времен наука и религия вступали в противоборство. В эпоху зарождения западноевропейской научно-теоретической мысли в рамках античной философии вопрос об отношении к традиционной религии встал довольно остро [2]. Когда на территории Римской империи стало распространяться христианство,

поначалу оно было воспринято римской цивилизацией как нечто чуждое. Христианские взгляды высмеивались, приравнивались к предрассудкам, подвергались критике. В течение последующих столетий христианские апологеты (часть которых одновременно входили в ученую среду) в своих трудах старались переломить подобное отношение [3, с. 63].

Общепринятым считается мнение, что в Средние века (по сравнению с античной эпохой) происходит упадок научного знания (в первую очередь наук естественных) и укрепление религиозной картины мира. Однако немало исследований последнего времени подвергают сомнению эту точку зрения и рассматривают усиление роли религии в жизни общества не как причину наступления «мрачных веков», а как его следствие [6, с. 155]. Сосредоточением науки становились христианские монастыри, из которых позднее выросли многие европейские университеты. Немало выдающихся мыслителей были так или иначе связаны с церковным служением [3]. Влияние религии усиливалось потому, что она создавала определенное согласие в обществе того времени, помогала человеку найти ответы на фундаментальные вопросы, касающиеся происхождения и устройства мира, места человека в этом мире. «Христианство дисциплинировало мысль и побуждало к исследованию Божьего мира» [3, с. 63].

По мнению итальянского философа и теолога Фомы Аквинского (Tommaso d'Aquino, 1225 – 1274), меж-

ду наукой и религией нет и не может быть противостояния, на протяжении столетий они гармонично сосуществовали и дополняли друг друга. Оба мировоззрения необходимы человеку для познания мира и истории [4, с. 424].

Процесс выхода науки за пределы монастырей, начавшийся еще в XI – XII веках с появлением первых университетов, постепенно расширяется благодаря успехам естественных наук в эпоху Нового времени, наука постепенно обособляется от религии. Вопросы происхождения мира и человека стали областью пересечения науки и религии (в последующие столетия наука осваивала новые сферы, которые прежде принадлежали исключительно религии, например психологию или этику, и таким образом расширяла области соприкосновения) [3, с. 64].

Однако полного разделения науки и религии произойти не могло, их диалог (порой очень острый в эпоху усиления роли Церкви и ее борьбы с еретическими настроениями и предрассудками) продолжался.

Так, для польско-немецкого математика и астронома Николая Коперника (Niklas Kopernigk, 1473 – 1543) движущей силой в создании гелиоцентрической теории было стремление разгадать мудрость Творца. Немецкий математик и астроном Иоганн Кеплер (Johannes Kepler, 1571 – 1630) также исходил из того, что мир создан Богом в соответствии с простым планом, который можно описать математически. Эта мысль подтолкнула его на поиски математических законов,

по которым происходит движение планет [6, с. 157 – 158].

Английский физик и математик Исаак Ньютон (Isaac Newton, 1642 – 1727) был убежден, что Бог создал мир из ничего, «он создал материю, а вместе с ней – пространство и время как условия бытия материи» [Там же, с. 159]. В трудах ученого Вселенная предстала как организованная система, основанная на рациональных началах и подчиняющаяся математическим законам. Теория Ньютона не отрицала Бога, но благодаря ей уже требовалось вовлекать Его для объяснения функционирования Вселенной. То есть Бог, создав Вселенную и законы для ее существования, после словно бы удаляется от дел и не вмешивается в ход событий.

Некоторые ученые Нового времени, периода формирования современной науки, посвятив первую часть своей жизни научным исследованиям, позже обращались к религии, погружались в толкование священных текстов. Так, уже упоминавшийся Ньютон, совершив открытия в области математики и физики, большую часть жизни после этого провел за алхимическими исследованиями и толкованием некоторых книг Библии. Французский математик Блез Паскаль (Blaise Pascal, 1623 – 1662), также сделав ряд важных открытий в математике и физике, после погрузился в религиозную философию, став предшественником современных иррационалистических философских систем [6, с. 161].

Русский историк С. М. Соловьев (1820 – 1879) на фоне споров о России и Европе, имевших место в интеллектуальной среде того времени, размышлял о создании новой философской теории, которая объединила бы науку и религию (в лице православия). Под влиянием собственного религиозного опыта Соловьев не рассматривал прогресс как непрерывный процесс положительных изменений (абсолютный прогресс) и поставил вопрос о зависимости прогресса в общественных отношениях от вечных истин веры [9].

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий, 1877 – 1961) в своих трудах стремится показать, что наука никак не противоречит религии. Он считал, что наука и религия затрагивают разные сферы исследования, т. е. их «сердцевинные», главные области не имеют точек пересечения. Так, наука представляет собой систему знаний о тех явлениях действительности, которые мы можем наблюдать. Религия является отношением к Богу, а в центре ее находится «молитвенное переживание человеческой души». Поверхностное понимание как науки, так и религии порождает мнение, что эти области противоречат друг другу. Сравнить же науку с религией, утверждает Войно-Ясенецкий, можно только в случае второстепенных вопросов, касающихся творения мира, человека, отдельных исторических событий [3, с. 64 – 66].

Далее святитель Лука подчеркивает, что подлинная религия не только не противоречит науке, но подтверждается последней и способствует ее

развитию. Так, некоторые утверждения Библии подкрепляются данными таких естественнонаучных областей, как астрономия и геология. Священные тексты говорят о существовании праязыка, или Вавилонской башни, и это согласуется с научными данными. Святитель говорит: «Религия не противоречит науке, но религия движет науку, религиозный опыт открывает многим реальное непосредственное бытие Того, чьё присутствие подсказывали и мысль, и откровения красоты, и сознание собственного несовершенства» (цит. по [3, с. 67]).

В XX веке были попытки примирить науку и религию (I и II Гуманистические манифесты 1933 и 1973 годов соответственно). Поскольку гуманистическое содержание религии не вступало в противоречие с научным мировоззрением, на ее место ставились общечеловеческие ценности, нравственные нормы и этика, свободные от каких-либо теологических, богословских влияний [2].

В нашей стране, в советский период ее истории, велась борьба с религиозным мировоззрением, проводилась атеистическая пропаганда, с 1959 года в высших учебных заведениях даже появилась новая научная дисциплина – «Научный атеизм». Однако в период перестройки интерес к религии возрождается [8]. Наука и религия в сознании людей продолжали быть конкурирующими мировоззрениями, и всё же между ними возобновляется диалог, стремящийся их согласовать.

Например, на страницах вышедшего тогда журнала «Наука и религия» при обсуждении различных вопросов, событий могли быть представлены взгляды как научного, так и религиозного мировоззрения. И если на первых порах журнал больше высмеивал религию, то постепенно стали выходить статьи о религии как части культуры и истории. Интересно, что атеистическая литература в какой-то степени пробуждала у читателей интерес к религии. К концу периода перестройки на страницах журнала печаталась все больше статей, призванных вернуть религии ее место в истории и роль в обществе [8, с. 51 – 54].

В наши дни проблема взаимоотношений науки и религии не только не утратила своей актуальности, но продолжает обретать всё новые аспекты рассмотрения. Некоторые считают, что ни теизм, ни воинствующий атеизм не должны поддерживаться на государственном уровне. Их место должен занять гуманизм (как светский, так и религиозный). Традиционные же религии должны стать объектом научного изучения, на уроках истории следует ввести элементы религиоведения, где школьников будут знакомить с содержанием и историей различных религий, но не будут «учить вере или безверию» [2].

Диалог науки и религии никогда не прекращался и, конечно, будет продолжаться и дальше. Исследовательский интерес предоставляет возможность сочетания религиозных и научных подходов в конкретных

научных областях, например в психологии [1].

Современные научные разработки породили новые вопросы в диалоге религии и науки, в первую очередь этические вопросы. Далай-лама (в наст. время Нгагванг Ловзанг Тэнцзин Гьямцхо, род. 1935) в своем труде «Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе мира» посвятил этой проблеме отдельную главу («Этические проблемы генетики») и указывал, что в основе этической оценки различных современных исследований должен находиться фактор сострадания [Там же, с. 76 – 77].

Научное и религиозное мировоззрения вовсе не исключают друг друга. Немецкий физик-теоретик еврейского происхождения Альберт Эйнштейн (Albert Einstein, 1879 – 1955), большую часть своей жизни посвятивший научным исследованиям, не отрицал своей веры в Высший разум: «Я не могу найти выражения лучше, чем “религия”, для обозначения веры в рациональную природу реальности по крайней мере той ее части, которая доступна человеческому сознанию. Там, где отсутствует это чувство, наука вырождается в бесплодную эмпирию». Свою позицию по вопросу о соотношении религии и науки он сформулировал так: «...я утверждаю, что космическое религиозное чувство является сильнейшей и благороднейшей из пружин научного исследования» (цит. по [2]).

Уже многими исследованиями последних десятилетий доказано по-

ложительное влияние веры и молитвы не только на эмоциональное, но и на физическое состояние молящегося. Так, в Санкт-Петербургском психоневрологическом НИИ были проведены эксперименты с участием православных и католических священников, мулл и дзен-буддистов. Во время вознесения молитв электроэнцефалограммы показывали, что кора головного мозга молящегося будто отключается, но человек продолжает воспринимать информацию. При этом данный процесс не зависел от того, какие молитвы читались (православная, католическая или мусульманская) [5].

История знает немало случаев исцеления больных с помощью веры и молитв. Доктор Винод Кумар Нигам в 1983 – 2000 годах работал хирургом в одном из госпиталей Йемена, где за это время случилось две гражданские войны. Д-р Нигам прооперировал огромное количество пациентов с самыми разными увечьями и ранениями. Несмотря на очень плохие гигиенические условия и особенности климата, у пациентов было очень мало осложнений после операций. «Я считаю, что мои пациенты выживали так часто потому, что я постоянно молился за них – до, во время и после операции», – говорит сам Нигам [5, с. 21 – 22]. Он совместно с Сидхартой Нигамом на основе своих многолетних практик и многочисленных наблюдений создал методики, которые сочетают в себе научный подход и современные медицинские технологии с духовной концепцией, с верой в Бога, молитвой и медитацией.

Таким образом, наука позволяет исследовать мир, доступный нашим органам чувств, раскрывать секреты мироздания и создавать новые технологии, облегчающие жизнь человека. Духовный подход помогает обратить взор на трансцендентный мир и на то, что находится внутри нас, утверждая, что Вселенная имеет смысл и цель [10].

Для познания мира и самого себя человеку нужны оба мировоззрения,

научное и религиозное, духовное, причем действующие согласованно, а не противостоящие друг другу. Области соприкосновения науки и религии постоянно расширяются. Подлинная вера пробуждает в человеке дух исследования. Поэтому перед нами стоит цель не разделить научное и духовное, но синтезировать, объединить, найти пути их согласования и создания гармоничного диалога.

Библиографические ссылки

1. Бернюкевич Т. В. Наука и религия в XXI веке: буддийский вектор // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 74 – 79.
2. Бражников А. А. Наука и религия в современном мире // Научная па-литра. 2020. № 4 (30). С. 31.
3. Лизгунов П. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) о науке и религии // Вопросы богословия. 2020. № 2 (4). С. 62 – 72.
4. Мустафина Р. С. Противоречия и взаимодействие науки и религии // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 5 – 6 (75). С. 423 – 425.
5. Нигам В. К., Нигам, С. 40 минут с Богом: научный подход к исцелению с помощью веры и молитвы. Духовное путешествие хирурга. Ростов н/Д. : Фе-никс, 2015. 230 с.
6. Розен В. В. Некоторые аспекты взаимоотношений науки и религии // Межрегиональные Пименовские чтения. 2012. № 9. С. 155 – 161.
7. Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9, № 2. С. 62 – 73.
8. Сосновских Е. Г. Взаимодействие дискурсов науки и религии в период перестройки (на материалах журнала «Наука и религия») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. : Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 3. С. 50 – 56.
9. Цыганков Д. А. Мировоззренческие основы профессорского служения С. М. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 99. С. 36 – 49.
10. Чопра Д., Млодинов Л. Война мировоззрений : Наука и Духовность / пер. с англ. М. : София, 2012. 320 с.

**DIALOGUE OF SCIENCE AND RELIGION: HISTORICAL ANALYSIS
AND THE PRESENT STATE¹**

The dialogue between scientific and religious worldviews often reached acute states, there were many periods of confrontation when it seemed that there was no way to find common ground and agree on them. This article analyzes the historical development of the dialogue between science and religion. It is shown that even during the periods of official proclamation of the dominance of any one of these areas, the dialogue never stopped, there was always mutual influence and complementarity. Thus, in the era of the Middle Ages, with the characteristic prevalence of the religious worldview, science continued its development, the Christian dogma prompted to explore the world created by the God. In the period of Modern times, the era of important scientific discoveries, the triumph of reason, religion was also not completely rejected and continued to maintain its influence in society. Quite a few scientists, along with their scientific activities, also retained faith in God, the Supreme Mind, and argued that this faith does not interfere and even stimulates them to conduct research. The current state of the dialogue of the science of religion is shown and an opinion is expressed about the possibility and even the need to combine scientific and religious, spiritual approaches.

Keywords: science, religion, history of science, history of religion.

УДК 2.1; 130.121; 303.01

А. С. Тимошук

ИДЕАЦИОННЫЕ КОНСТРУКТЫ ПРАВОГЕНЕЗА ИНДУИЗМА

Современный человек, погружённый в гетерогенетику и амбивалентность современности, порой надеется найти простые ответы в прошлом, например в древних сакральных текстах, как будто прошлое имеет некую более высокую планку непогрешимости: вода там была чище, люди – добрее, а войны – благороднее. Вместе с тем философия учит, что история в макромасштабе более или менее однородна. Если современные войны имеют в качестве составляющей некоторую викарму (нарушение порядка), то и войны в прошлом тоже основаны на викарме – либо по целям, либо по средствам. Очень сложно найти в прошлом какую-то

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44073 «Dialogue between science and religion: historical traditions, modern trends, problems and prospects».

«дхармическую» войну. Даже война на Курукшетре, описанная в «Махабхарате», содержит лишь много сопутствующих рассуждений о дхарме (адхарме). В статье анализируется генезис социально-правовых идей индуизма, а также факторы, определяющие его концептуализацию.

Ключевые слова: дхарма, адхарма, право, карма, викарма, гетерогенетика, ведическое общество, ведизм, ведийский правовогенез.

Поиск совершенного идеала в прошлом представляет из себя разновидность утопизма. Древние сакральные тексты возникали как социально-правовые регуляторы лишь в определённом историческом контексте. Не случайно, мировые религии испытывают большое смысловое напряжение между архаичными догмами и современными вызовами. Рассмотрим влияние дилеммы традиции и новации на общественное сознание члена ведического (ведийского) общества.

«Традиционное правосознание ни в коей мере не является примитивным. Оно отличается своей собственной логикой, глубокой последовательностью, а главное – вполне соответствует культурным потребностям традиционного общества, сформировавшего нормы обычного права» [2, с. 36]. Вместе с тем необходимо интегрировать традиционное правосознание в культурно-исторический контекст. Древние общества создавали мононормы, исходя из того уровня сложности, на котором они находились. Современные последователи неоориенталистских НРД верят в некие метафизические надвременные скрепы: человек – духовная личность, забывшая свою блаженную природу и находящаяся в неестественном положении – рабстве материаль-

ной энергии. Поэтому в интересах самой личности – следование священному закону с целью избавления от материальных страданий и обретения духовного блаженства. Новые обращённые исходят из упрощённого понимания, что проблемы современного общества заключаются в отсутствии четкой философско-идеологической основы. Якобы человек ведического общества осознает, что следование священному закону естественно, что это соответствует глубинной природе. Такие представления характерны для индивидуации «я» в сложной урбанистической среде, представляющей огромный массив для потребления духовной информации. Поиски простых решений сложных вопросов свойственны городским хипстерам и порождены избыточным производством досуга в условиях консумеризма. Ценность научного анализа архаичных обществ заключается в том, что они выступают сегодня моделями архаизации в контексте реисламизации, реиндуизации, рехристианизации и т. п. [8 – 14].

«Идея Бога как первопричина мироздания и законодателя нравственности несет в себе глубокий смысл. Она прямо говорит о том, что законы нравственности предназначены человеку свыше и не он вправе изменять их

по своей прихоти, подгоняя законы под сиюминутные нужды и интересы. Нравственные законы нисходят от Бога к человеку и поселяются в его сердце, обретая вид этических саморегуляторов – совести, стыда, способности испытывать чувства раскаяния, вины и т. п.» [15, с. 283]. Сознание традиционного индуистского общества формируется под влиянием идеационных конструктов: карма, майа, дхарма, самсара. Конструкт закона кармы существенно влияет на формирование общественного сознания, дает осознание абсолютной справедливости и закономерности всего происходящего.

Современное индийское право сформировалось в результате гибридизации традиционных мононорм и британской правовой системы. Подобная гибридизация продолжилась и в период движения за независимость: акторами борьбы с британской колониальной системой становились как религиозные деятели, так и юристы. И те и другие обращались к теме справедливости как наиболее значимой правовой ценности древних индусов.

В постколониальный период тема соприкосновения индийских традиций и современного права обычно касается семейного права, системы местного самоуправления в сельской местности, разрешения споров на региональном уровне (панчат – система пяти старейшин) в области содержания дорог, водоснабжения, разрешения мелких гражданских и уголовных споров, санитарии, строительства и эксплуатации школ, заботы о животных и

т. д. [5]. Поэтому любые трудности, приходящие к человеку в течение жизни, являются реакциями, заработанными в прошлом, и человек сознательно принимает свою судьбу, извлекая из ситуаций для себя урок. Он не испытывает агрессии к тому, кто принес ему страдания, воспринимая его как инструмент собственной кармы. «Теория кармы являлась совершенным методом научить людей принципам ненасилия» [17, с. 75]. Так как все сущее – эманация энергий Абсолюта, «все живое и неживое во вселенной находится во власти Господа и принадлежит Ему. Поэтому каждый должен брать только то, что необходимо и выделено ему как его доля, и не посягать на остальное, хорошо понимая, кому все принадлежит» («Иша-упанишада», 1). Таким образом, через сакральную медиацию решается существенная часть преступлений, связанных с мезьью, оскорблениями. Закон кармы значим в политической сфере, способствует социальной адаптации и стабилизации общества, примирению с действительностью. Незыблемая концепция закона высшей справедливости и высшего космического порядка обеспечивается божественной силой и управляет всем миром [16, с. 9].

А. Н. Бабенко в связи с этим отмечает: «Миссия разума – навести порядок в мире, истинный план которого для разума открыт. Установление этого порядка-блага, счастья для индивида и справедливости для государства начинается с познания добродетелей. Смыслообразующими характеристиками

ками разума являются: системная целостность, завершенность, наличие определенной упорядоченности мира» [1, с. 94].

Насколько разум отвечает этим требованиям и природе изначальных ценностей, ровно настолько возможно установление блага, личного счастья, государственной справедливости и ответственности высшему порядку. Сама регулятивная реальность и уровень общественного сознания являются оценкой создавшего их разума и порожденной ими философии. Традиционному мышлению видится, что именно это – глубинная причина того или иного уровня общественного сознания в обществе. Человек ведического общества ориентируется на то, что все сущее принадлежит Всевышнему, ему же выделена лишь какая-то часть, законная доля. При этом он не имеет права претендовать на большее, так как оно выступает чужой собственностью. Более того, человек осознает, что любой его поступок не останется незамеченным для параматмы (Сверхсознания, «голоса совести»), которая является абсолютным гарантом того, что в будущем к нему перейдут кармические реакции. Таким образом, через религию внедряется понимание того, что «я не смогу взять для себя больше, чем мне выделено». За любое наслаждение в этом мире нужно платить: «или предварительно, или по счету», поэтому не стоит разменивать на них свою жизнь. Кроме того, противозаконный образ действий приведет не только к тому, что человек попадет в государствен-

ную тюрьму, но и в соответствии с законом реинкарнации попадет в тюрьму низшей, животной формы существования. Это осознание, согласно идеальным представлениям, делает человека ведического общества более ответственным по отношению к своим поступкам.

Рассмотрим переход от смыслообразующего уровня функционирования социальных регулятивов к идеологическому. В своё время схоластика раскололась на номинализм и реализм. Первый говорил, что в этом мире есть только единичные вещи, общность индивидуальных вещей, ощущаемых чувственностью чисто, субъективна, а идея есть только имя, данное ей. Вторым доказывал, что существует духовная объективная сущность, называемая «идеей». Ведическая философия гармонизирует материализм и идеализм в концепции энергийности. Интеграция духа и материи создаёт сложную модель вроде квантово-волнового дуализма. При этом выстраивается иерархия покрытий: чувства, ум, разум, атма («Бхагавад-гита», 3.42).

В своё время Декарт создал «методологический скептицизм», т. е. сомнение в существовании вещей в мире природы, а также «вещей», отражаемых пятью чувствами в зеркале «я». Подобный поиск простого решения в западной философии в действительности создаёт условия своеобразного усложнения реальности, отрицания отрицания. В этом смысле индийская философия идёт другим путём, не пытаясь сотворить нечто из отрицания.

Она сразу фиксирует сложность и многослойность реальности, не отыскивая простое основание в виде отрицания чувственности или рациональности. Бхагавад-гита создаёт описание тотальности чувственности, рациональности, духовности и запутанности бесконечной субстанции в волнах чувственности.

Отсюда разорванность существования «я» в божественно-материальной природе, его ситуативность и неопределённость: «Мы все обладаем различными способностями, склонностями, талантами. Следовательно, практически невозможно выработать единый свод правил поведения и линию руководства не только для всех людей, но даже для двух личностей» [18, с. 9].

Веды интересны тем, что в них подробно описывается фактор сознания для объяснения внутреннего и внешнего существования, при этом интерпретируя интернализм и экстернализм. Они помещают восприятие предметного мира в контекст сознания (чит), которое иногда выступает синонимом ума (манас), а иногда одним из его аспектов. Сознание – это «внутренняя жизнь», мир самоанализа, личных мыслей, воображения и желания, какой-то опыт, чувство, эмоции, восприятие. Это может быть также осознание работы сознания или самосознание. Сознание выступает на разных уровнях или порядках, подаётся как разные типы сознания или только один тип с разными характеристиками.

Примерами повествований, определений или объяснений сознания вы-

ступают различные стратегии: метафора пробуждения или потока, практика «заглядывания внутрь», чувство принадлежности, присутствие души, субъективная точка сборки qualia или психических состояний, психофизиология мозга, ощущение близости, «внутренний театр» или система управления ума.

Уровни сознания Веды соотносят с отождествлением атмы с одной из оболочек, покрывающих чистое сознание. Рассмотрим данные уровни, описанные в «Тайттирии-упанишаде, и общие особенности дхармы для каждого из них, а также характеристику общественного сознания на каждом из них. «Способы обоснования правовых ценностей определяются пониманием мировоззренческой модели личности и человека» [1]. В связи с этим Веды рассматривают обусловленности, покрытия (коша), которые можно описать как пять мировоззренческих моделей:

1) аннамайя коша – телесная оболочка, означает эксплуатацию ресурсов, эгоистическое сознание; на данном уровне закон принимает характер мононорм, табу и карательных политик;

2) пранамайя коша – тонкое, энергетическое тело; также это психологический уровень восприятия права; следовать закону – выгодно; на этом уровне развиваются различные отрасли права; это средний уровень развития правового сознания;

3) маномайя коша – третий уровень, уровень рассудка, представлен

«тонким телом ума» (манас); деонтическая модальность или культура следования долгу является достаточно развитой правовой культурой; развиваются правовые и моральные ценности – честность, справедливость, самоконтроль, сострадание; присутствует осознание важности личного примера лидера для формирования правового климата в обществе;

4) виджнамайя коша – четвертый уровень (уровень мудрости) и анандамайя – пятый уровень, уровень трансцендентального наблюдателя, фактически являются метаправовыми, когда внутренняя саморегуляция превосходит внешний уровень контроля.

Вышеперечисленные философские модели – идеальные типы, они действовали на смыслопорождающем уровне функционирования социальных регулятивов. На основании их формировалась социальная концепция ведического общества (система варнашрамы – дхармы), предписания которой формировали идеологический уровень функционирования социальных регулятивов. Идеальный характер типов правового мировоззрения во многом стал причиной отставания восточного права от западных институтов, сильных именно в детализации и процедурных аспектах. Вместе с тем восточные правовые системы сохранили ценностно-смысловой потенциал, в то время как англосаксонская и романо-германская системы выхолащены, теоретизированы и формализованы.

«В восточных правовых учениях коллективистской (традиционной) куль-

туры право часто рассматривается лишь как один из способов, при помощи которого можно решать ограниченные социальные задачи. Выше права находятся мораль и религия, которые сплачивают народ в единый духовный организм» [7, с. 326].

Западное право сильно в своей универсальности, процессуальности, институциональности и детальной механике. Вместе с тем обобщающие концепты (фа, маат, дхарма, шариат и т. п.) содержат национальное основание для сопротивления вестернизации и в этом их ценность. Дхарма как репрезентант идеационного права – это образ общественного сознания, интегрирующего социальную медиацию, закон, право, религию, воспитание: «Современные ученые-юристы, думая о происхождении юриспруденции и времени ее появления, имеют в виду специально древнеримскую юриспруденцию. Но в действительности юриспруденция существовала и процветала, конечно, под другими наименованиями, у разных народов задолго до появления римской юриспруденции, в частности у народов древнего и культурного востока...» [6, 213 – 214]. Дхарма фиксирует обширную область значений, связывающую Вселенную и общество, Бога и человека [3, с. 361].

Реляционная космология дхармы представляет мультимодальный подход, основанный на чтении «Махабхараты», одного из старейших записанных текстов в мире. Если авраамические религии устанавливают границы, касающиеся времени, между

Другим и суверенным государством, то концепция дхармы не устанавливает эпистемические пределы дисциплины. Дхарма представляет способ понимания многомерности человеческого существования, без отрицания ни одного из его разнообразных, противоречивых выражений. Дхарма иллюстрирует, как все существа связаны друг с другом в моральном, социальном и космическом порядке, основанном на коммуникации доменов божественного, человеческого и животного, а также контролируется гетерогенным пониманием времени.

«Понятие дхармы многогранно. Это и религиозная добродетель, и мораль, и норма поведения, и свод правил, обязательных для каждого правоверного индуса, регламентирующих различные стороны его жизнедеятельности. Наряду с термином дхарма в древнеиндийском праве существовало понятие *ньяя*, сходное европейскому “закон”» [4, с. 12].

Современная индийская правовая система в основном наследует британский закон и провозглашает Индию в конституции «светской нацией», но закон о браке варьируется в зависимости от религии, а это существенная часть гражданского права. Юридическая культура Индии также распространилась на Юго-Восточную Азию, оказывает сильное влияние на традиционные законы Таиланда и Бирмы, а также на балийское индуистское общество. Таким образом, «дхарма, как закон жизни, жизненного пути (человека в целом, касты, профессии, лич-

ная, в том числе правителя) продолжает путь нравственного качества права, как моральный долг, добродетель, обычай, внутреннее осознаваемое правомерное поведение» [16, с. 8].

Подведем некоторые итоги. В статье был рассмотрен ряд идеационных конструктов индуистского правоведения: карма, майя, дхарма. Идеализация прошлого имеет такое же ненадёжное основание, как и романтизация будущего. Внимательное прочтение пуран, итихас и других священных текстов открывает нам то, что их идеалы также вырабатывались в спорах, в сложных противоречиях и конфликтах. Тем более неверной представляется стратегия рассматривать древние тексты сквозь призму современных геополитических проблем. Сакральные тексты создавались для решения относительно простых вопросов (образ жизни аскетов, например). А вот для решения проблем более высокого уровня – регуляция социальной неоднородности с помощью гражданского, уголовного, международного права и т. п. – такого сакрального текста нет. Отсюда столько толкований законов Ману, «Артхашастры».

Веды – священные писания, т. е. ценностно-смысловый идеал. Они успешны в постулировании идеалов для брахманов и для всех, кто идёт по духовному пути. Однако создать тексты для регулирования социальной неоднородности (для кшатриев) – это уже более сложная задача. «Артхашастра» и «Манавадхарма шастра» тому доказательство, ведь там содержится

много оговорок и нет чётких рамок. Историческая ценность Вед, пуран, итихас такая же, как и Библии, Корана, летописей, так как они воспроизводят не документальную ленту событий, но ценностно-смысловую канву повествования, обычно с точки зрения жреческого класса, т. е. тех, кто создаёт и передаёт священные тексты. Отсюда феномен таких «прорывных религий», как джайнизм, буддизм, сикхизм, которые выступают против монополии брахманов и генерируют свои тексты.

Библиографические ссылки

1. Бабенко А. Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. 2002. № 12. С. 93 – 97.
2. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Москва : РАГС, 2007. 47 с.
3. Законы Ману. Эльманович С. Д., Ильин Г. Ф. М. : Наука : Ладомир, 1992. 359 с.
4. Крашенинникова Н. А. История права Востока. М. : РОУ, 1994. 168 с.
5. Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 4 – 15.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. СПб., 1907. Т. 1. 309 с.
7. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб. : СПбГУ, 2004. 863 с.
8. Тимощук А. С. Древнеиндийский эпос: сущность и существование // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2018. № 3 (11). С. 5 – 19.
9. Тимощук А. С. Эстетика ведийской культуры : монография. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2003. 112 с.
10. Тимощук А. С. Индуизация Общества сознания Кришны // Религия в истории народов России и Центральной Азии : II Междунар. конф. Барнаул: АГУ, 2014. С. 351 – 353.
11. Тимощук А. С. Вайшнавизм: стратегии конструирования и концептуализации // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 72 – 80.
12. Тимощук А. С. Эпос «Махабхарата» как ретранслятор эстетических смыслов // О лонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского : материалы Междунар. конф. Якутск : СВФУ, 2018. С. 143 – 144.
13. Тимощук А. С. Традиционная культура: сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород : НГАСУ, 2007. 402 с.

14. Тимошук А. С. Эстетизация бенгальского вишнуизма в литературе Рупы Госвами // *Orientalistica*. 2018. Т. 1, № 2. С. 289 – 302.
15. Философия права / О. Г. Данильян [и др.]. М. : Эксмо, 2005. 412 с.
16. Ударцев С. Ф. Правовая и политическая мысль Древней Индии. Алматы : Академия экономики и права, 2005. 119 с.
17. Bharat Bhushan Gupta. *India through the ages*. New Delhi: Niyogi books, 2006. 414 p.
18. Danielou A. *India. A civilization of differences*. Inner Traditions. Rochester, Vermont. 2005. 132 p.

A. S. Timoshchuk

IDEAL CONSTRUCTIONS OF THE HINDU LAW GENESIS

A modern person, immersed in heterogeneity and the ambivalence of modernity, sometimes hopes to find simple answers in the past, for example, in ancient sacred texts, as if the past has a certain higher bar of infallibility: the water there was cleaner, and war was more noble. At the same time philosophy teaches that a macro story is more or less homogeneous. If modern wars have a certain vicar (violation of order) as a component, then the wars in the past are also based on Vikar, either for targets or by means. It is very difficult to find in the past some kind of "dharmic" war. Even the war on Kurukshetra, described in Mahabharata, contains only many concomitant discussions about Dharma (Adharma). The article analyzes the genesis of socio-legal ideas of Hinduism, as well as factors that determine its conceptualization.

Keywords: dharma, adharma, law, karma, vikarma, heterogenetics, Vedic society, vedism, Vedic law genesis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

БУТ-ГУСАИМ СВЕТЛАНА ФЕОДОСЬЕВНА – кандидат
филологических наук, доцент
доцент Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест
svfbg@tut.by

ГАТИНА Эльза Львовна – аспирант Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Казань
gatina_elza@inbox.ru

ЛЮ Кунь – аспирант кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
guoliukun@gmail.com

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук
профессор кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МАТУШАНСКАЯ Юлия Григорьевна – доктор философских наук
профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Казань
jgm2007@yandex.ru

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
victor-n1962@mail.ru

ПАВЛОВ Михаил Сергеевич – студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир

ПИМЕНОВА Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ПОЛЯКОВА Виктория Александровна – кандидат педагогических наук проректор по информатизации, доцент кафедры цифрового образования и информационной безопасности Владимирского института развития образования имени Л. И. Новиковой
kabinetrl@yandex.ru

СМИРНОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
irinasmirnowa@mail.ru

СУБОТЯЛОВ Михаил Альбертович – доктор медицинских наук доцент кафедры фундаментальной медицины Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск
subotyalov@yandex.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
ys@abhinanda.elcom.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии, зав. историко-просветительским комплексом по истории развития внутреннего водного транспорта Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова
terehv@mail.ru